

Уильям Теккерей

Базар житейской суеты.

Часть 2

Уильям Мейкпис Теккерей

Базар житейской суеты. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7528525

Аннотация

Произведение дается в дореформенном алфавите.

«Повѣсть наша завязла на нѣсколько мгновеній между великими событіями и лицами, и зацѣпилась, въ нѣкоторомъ родѣ, за полу всеобщей исторіи Европы. Орлы Наполеона Бонапарте вылетѣли изъ Прованса, гдѣ они усѣлись послѣ кратковременнаго пребыванія на Эльбѣ, и затѣмъ, перелетая съ кровли на кровлю, достигли наконецъ до высочайшихъ башенъ парижскаго собора Notre Dame; но кто бы могъ подумать, что эти благороднѣйшія птицы великихъ людей могутъ какъ-нибудь ненарокомъ заглянуть, съ позволенія сказать, на Россель-Скверъ, гдѣ человѣчество прозябаетъ спокойно, въ согласіи и мирѣ, не думая и не замѣчая, зачѣмъ, куда и для чего летятъ быстрокрылые орлы?..»

Содержание

Глава XVIII	4
Глава XVIII	31
Глава XIX	54
Глава XX	76
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Теккерей Уильям Мейкпис

Базар житейской суеты. Часть вторая

Глава XVIII

Для кого кептенъ Доббинъ купилъ фортепяно?

Повѣсть наша завязла на нѣсколько мгновеній между великими событіями и лицами, и зацѣпилась, въ нѣкоторомъ родѣ, за полу всеобщей исторіи Европы. Орлы Наполеона Бонапарте вылетѣли изъ Прованса, гдѣ они усѣлись послѣ кратковременнаго пребыванія на Эльбѣ, и затѣмъ, перелетая съ кровли на кровлю, достигли наконецъ до высочайшихъ башенъ парижскаго собора Notre Dame; но кто бы могъ подумать, что эти благороднѣйшія птицы великихъ людей могутъ какъ-нибудь ненарокомъ заглянуть, съ позволенія сказать, на Россель-Скверъ, гдѣ человѣчество прозябаетъ спокойно, въ согласіи и мирѣ, не думая и не замѣчая, зачѣмъ, куда и для чего летятъ быстрокрылые орлы?

— Наполеонъ высадился при Каннахъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что Вѣна засуетилась въ па-

ническомъ страхѣ, Пруссія насторожила уши, Талейранъ и Меттернихъ глубокомысленно закивали головами, между тѣмъ какъ принцъ Герденбергъ и маркизь Лондондерри совсѣмъ сбились съ толку; но какимъ образомъ, скажите на милость, извѣстіе въ этомъ родѣ могло разстроить спокойствіе молодой дѣвицы на Россель-Скверѣ?

И жила миссъ Амелія безмятежно въ своей уютной комнаткѣ верхняго этажа, и ночной сторожъ весело распѣвалъ передъ ея окномъ свою дикую пѣсню, возвѣщая россель-скверскому міру, что вотъ, дескать, пора ложиться спать, потому-что пробилъ такой-то часъ. На улицѣ молодую дѣвицу охраняли желѣзныя перила, и если случалось ей идти за ленточкой на Соутамптонскій-рынокъ, чорный слуга, вооруженный огромной палкой, неминуемо слѣдовалъ по пятамъ своей барышни, изъявляя отчаянную готовность защитить ее отъ всякой напасти. Родители берегли ее какъ зѣницу ока, лелѣяли, ласкали, и когда барышня уходила въ спальню, ангелы-хранители бодрствовали еженощно надъ ея изголовьемъ. Что жъ? неужели европейская борьба не пощадитъ этой бѣдной, скромной, беззащитной дѣвушки, которая такъ мило воркуетъ надъ своими голубиными мечтами, или вышиваетъ муслиновые воротнички на Россель-Скверѣ? Неужели громы военной бури разразятся и надъ тобой, прелестный, скромный, оранжерейный цвѣточекъ, взлелѣянный подъ родительскою кровлей?

Да, наполеоновы орлы задѣли своими крыльями бѣдную

миссъ Эмми Седли. Исторія ея сердца тѣсно соединена съ политической исторіей Европы.

Во первыхъ; роковая вѣсть о Наполеонѣ проглотила богатство ея отца. Всѣ его спекуляціи и коммерческія соображенія перевернулись вверхъ дномъ, и ни одно предпріятіе не удалось. Товарищи по торговлѣ обанкротились, и биржевые фонды повысились именно тогда, когда, по его разсчетамъ, выходило; что они непременно упадутъ. Впрочемъ, къ чему тутъ пускаться въ дальнѣйшія подробности? Если коммерческій успѣхъ сопровождается движеніемъ медленнымъ и нерѣшительнымъ, за то всякому извѣстно; какъ быстро и легко можетъ разориться богатѣйшій негоціантъ.

Старикъ Седли хранилъ зловѣщую тайну въ глубинѣ своего собственнаго духа. Все; повидимому, шло своимъ обыкновеннымъ чередомъ въ его спокойномъ и богатомъ домѣ: добрая мистриссъ Седли не подозрѣвала ничего, и хлопотливо вела свои дѣлишки, занимаясь хозяйствомъ и дѣлая визиты магазинамъ въ утренніе часы; прелестная дочка постоянно погружена была въ одну и ту же нѣжную мысль, и рѣшительно не заботилась о томъ, что совершается на европейской почвѣ въ политическомъ и коммерческомъ мірѣ.

Однажды вечеромъ, мистриссъ Седли писала приглашительные билетики, которые надлежало отправить къ ея будущимъ гостямъ; Осборны недавно давали балъ и, разумѣется; ей не отставать же отъ другихъ. Джонъ Седли воротился домой очень поздно, и сидѣлъ теперь молча и задумав-

шись у камина, между тѣмъ какъ его супруга лепетала разный вздоръ. Эмми ушла въ свою комнату съ больною головою и стѣсненнымъ сердцемъ.

— Бѣдняжка! она совсѣмъ истосковалась, проговорила мать: Джорджъ Осборнъ вовсе не думаетъ о невѣстѣ. Эти гордецы ужь, право, начинаютъ меня выводить изъ терпѣнія. Чопорныя дѣвчонки не были у насъ около трехъ недѣль; Джорджъ два раза былъ въ городѣ и не думалъ завернуть къ намъ. Эдуардъ Дель видѣлъ его въ оперѣ. Эдуардъ, я знаю, съ радостью готовъ на ней жениться, да и кептенъ Доббинъ, если не ошибаюсь... только у меня душа не лежитъ къ этому человѣку. Какимъ, подумаешь, денди сталъ выглядывать этотъ Джорджъ Осборнъ! И приступа нѣтъ. Да вѣдь этакъ, пожалуй, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ, коль на то пошло. Два, три ласковыхъ словечка Эдуарду Делю, и вотъ мы увидимъ, что изъ этого выйдетъ. Надобно дать балъ, мистеръ Седли. Что жъ ты ничего не промолвишь, Джонъ? Во вторникъ, что ли, черезъ двѣ недѣли — а? Что ты ничего не отвѣчаешь? Ахъ, Боже мой, не случилось ли чего-нибудь?

Джонъ Седли быстро вскочилъ съ кресель на встрѣчу къ своей женѣ, которая бросилась къ нему. Онъ обнялъ ее, поцаловалъ, и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Мы разорились, Мери. Намъ должно, моя милая, вновь начинать свою жизнь. Ужь лучше разомъ объявить тебѣ обо всемъ: знай, Мери — я банкротъ.

Говоря такимъ образомъ, онъ дрожалъ всѣми членами, и

едва держался на ногахъ. Ему казалось, что эта оглушительная вѣсть поразить и отуманить его бѣдную жену, неслыхавшую отъ него жесткаго слова во все время ихъ супружеской жизни. Но вышло на повѣрку, что онъ самъ былъ гораздо болѣе растроганъ, несмотря на то, что ударъ внезапно обрушился надъ головою мистриссъ Седли. Когда онъ упалъ въ изнеможеніи на свои кресла, жена съ твердостью приняла на себя обязанность его утѣшительницы, между тѣмъ какъ онъ воображалъ, что эта роль будетъ принадлежать ему. Мистриссъ Седли взяла его трепещущую руку, поцаловала и обвила ее вокругъ своей шеи; она называла его своимъ Джономъ, своимъ милымъ Джономъ, своимъ старымъ мужемъ, своимъ добрымъ старымъ мужемъ, и при этомъ тысячи безсвязныхъ словъ, внушенныхъ нѣжностью и любовью, полились потокомъ изъ ея любящей груди. Эти утѣшенія, эти ласки, искреннія, добродушныя и простыя, расположили его сердце къ невыразимо-отрадной грусти, и освободили его душу отъ сокрушительнаго бремени отчаянной тоски. Болѣе чѣмъ когда-либо, Джонъ Седли сознавалъ себя счастливымъ мужемъ и отцомъ семейства.

И долго сидѣли они среди безмолвія спокойной ночи, повѣряя другъ другу тайны своей души. Джонъ Седли говорилъ женѣ о своихъ неудачахъ и потеряхъ, рассказывалъ, какъ измѣнили ему нѣкоторые старинные друзья, и какъ другіе люди, которыхъ почти не зналъ онъ, поступили съ нимъ великодушно. Мистриссъ Седли слушала внимательно, и только

разъ — одинъ только разъ въ продолженіе всей этой бесѣды, сердце вѣрной супруги обнаружилось въ порывѣ неудержимой грусти.

— Боже мой, Боже мой! воскликнула она, что-то будетъ теперь съ бѣдной Эмми!

Отецъ забылъ про бѣдную Эзгаи. Она лежала въ своей спальнѣ съ открытыми глазами, и сонъ бѣжалъ далеко отъ нея взволнованной души. Въ родительскомъ домѣ, среди друзей, въ обществѣ матери и отца, она была одна. Многіе ли станутъ безъ разбора говорить о тайнахъ своего сердца? Кто согласится быть откровеннымъ тамъ, гдѣ нельзя рассчитывать на взаимную симпатію, гдѣ даже не могутъ и понять насъ окружающія особы? И такъ, миссъ Амелія Седли жила отшельницей подъ родительскою кровлей, и некому ей было вѣрить своей задушевной тайны. Не было у ней искренняго друга именно тогда, когда всего болѣе былъ для нея нуженъ искренній другъ. Она не могла рассказывать старушкѣ-матери о своихъ опасеніяхъ и заботахъ; будущія золовки чуждались ее съ каждымъ днемъ больше и больше. И были у ней такія зловѣщія предчувствія, сомнѣнія и опасенія; въ которыхъ она не могла признаться даже самой себѣ; хотя они уже давно томили и терзали ея душу.

Ея сердце продолжало жить вѣрой и надеждой, что Джорджъ Осборнъ еще достоинъ ея, еще вѣренъ своей невѣстѣ, хотя разсудокъ громко убѣждалъ ее въ противномъ. Какъ часто она говорила и писала ему, не получая въ отвѣтъ ни од-

ного разумнаго слова! Его эгоизмъ и равнодушіе становились слишкомъ очевидны, даже для глазъ ослѣпленныхъ любовью. Кому же несчастная страдалица ввѣрить исторію своей ежедневной пытки и борьбы? Самъ ея герой понималъ ее, можетъ-быть, только вполовину, если не меньше. Она не хотѣла и не смѣла признаться себѣ самой, что человѣкъ, котораго она полюбила, стоитъ гораздо ниже ея, и что она слишкомъ поторопилась вручить ему свое сердце. Миссъ Амелія была слишкомъ скромна, нѣжна, слишкомъ довѣрчива, слова, слишкомъ *женщина* для того, чтобъ по произволу измѣнять обѣты, разъ навсегда произнесенные ея сердцемъ.

Такъ проходила затворническая жизнь миссъ Амеліи Седли, когда, въ мартѣ мѣсяцѣ, тысяча-восемьсотъ-пятнадцатаго года, Наполеонъ Бонапарте высадился при Каннахъ, и вся Европа забарабанила тревогу, и фонды упали на лондонской биржѣ, и старикъ Джонъ Седли разорился.

Мы не намѣрены идти за почтеннымъ негоціантомъ черезъ всѣ мытарства, которымъ онъ долженъ былъ подвергаться на пути къ окончательному разоренію. Его огласили на королевской биржѣ — онъ не явился; векселя его были предъявлены, и банкротство сдѣлалось формальнымъ. Движимое и недвижимое имѣніе на Россель-Скверѣ подвергнули аресту и продали съ молотка. Джонъ Седли и его семейство удалились, какъ мы видѣли, приклонить свои головы, гдѣ Богъ послалъ.

Само-собою разумѣется, что несчастный банкротъ не мо-

гѣ болѣе держать въ своемъ домѣ слугъ и служанокъ, которыхъ имена появлялись по временамъ на этихъ страницахъ. Всѣ эти достойныя особы были удовлетворены сполна, и Джонъ Седли наградилъ ихъ съ джентльменскою щедростью, которую часто въ его положеніи обнаруживаютъ люди, обремененные только огромными долгами. Имъ было очень жаль покинуть теплыя мѣста; но никто, однакожъ, не обнаружилъ отчаянной грусти при разставаньи съ великодушными господами. Горничная Амеліи заплакала немного, йалуя свою барышню въ послѣдній разъ, но скоро успокоилась совершеннѣйшимъ образомъ, когда удалось ей приискать доброе мѣстечко въ джентльменскомъ кварталѣ англійской столицы. Чорный Самба, очертя голову, рѣшилъ завести харчевню, и заведеніе его красуется донинѣ въ одномъ изъ лондонскихъ предмѣстій. Честная старушка, мистриссъ Бленкиншопъ, видѣвшая на Россель-Скверѣ рожденіе Джозефа и Амеліи, и даже присутствовавшая на свадьбѣ Джона Седли и его жены, осталась безъ жалованья при своихъ господахъ, такъ-какъ, съ теченіемъ времени, ей удалось сколотить деньжонокъ на чорный день. Она послѣдовала за несчастными людьми въ ихъ скромное убѣжище, продолжала служить имъ вѣрой и правдой, и ворчала повременамъ на мистриссъ Седли.

Безпрестанныя столкновенія и споры съ кредиторами измучили бѣднаго старика до такой степени, что, въ продолженіе какихъ-нибудь шести недѣль, онъ постарѣлъ гораздо

болѣе, чѣмъ прежде въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. При этихъ столкновеніяхъ и спорахъ, самымъ неумолимымъ и упорнымъ его оппонентомъ оказался Джонъ Осборнъ, старый его другъ, сосѣдь и кумъ, — Джонъ Осборнъ, котораго онъ вывелъ въ люди, поставивъ на гладкую дорогу въ коммерческомъ мірѣ, — который былъ ему обязанъ тысячу разъ, и который, наконецъ, помолвилъ своего сына на дочери Седли. Чѣмъ же могутъ быть объяснены враждебныя чувства Джона Осборна?

Если, примѣромъ сказать, два задушевные пріятеля, изъ которыхъ одинъ былъ одолженъ другому сотню тысячъ разъ, столкнулись какъ-нибудь между собою на базарѣ житенской суеты и поссорились изъ-за какой-нибудь погремушки, то благодѣтельствованный другъ нерѣдко преслѣдуетъ своего благодѣтеля гораздо строже, чѣмъ всякій посторонній врагъ или соперникъ. Въ такихъ случаяхъ, чтобы оправдать свое собственное жестокосердіе и неблагодарность, онъ непремѣнно доказываетъ вину противной стороны. Онъ не эгоистъ, не сердится, что спекуляція не удалась — нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ — но его бѣснуетъ собственно то обстоятельство, что товарищъ завлекъ его въ эту спекуляцію съ самыми низкими намѣреніями, которыхъ, разумѣется, онъ отнюдь не подозревалъ въ его черной душѣ. Такимъ образомъ, задушевный пріятель старается доказать, что несчастный его партнеръ — низкій человѣкъ съ головы до ногъ, иначе, пожалуй, легко подумаютъ, что онъ самъ плутъ первой руки.

Притомъ, въ коммерческомъ мірѣ, какъ всѣмъ извѣстно, существуетъ общее правило, удобно располагающее кредиторовъ къ строгости, — правило, что люди въ затруднительныхъ обстоятельствахъ рѣдко ведутъ себя съ безукоризненною честностію. Почти всегда они скрываютъ что-нибудь, преувеличиваютъ вѣроятность счастливой удачи, рискуютъ замуря глаза и очертя голову, утаиваютъ настоящее состояніе вещей, говорятъ, что дѣла ихъ процвѣтають, между-тѣмъ какъ нѣтъ для нихъ ни малѣйшей надежды; они улыбаются (и что это за кислая улыбка!) на краю банкротства, готовы воспользоваться всякимъ предлогомъ для отсрочки платежа, и даже безсовѣстно вступаютъ въ новые долги, чтобы отдалить по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней неизбѣжную гибель.

— Прочь, прочь... дурная трава изъ поля вонь! кричалъ торжествующій кредиторъ, обременяя проклятiями своего погибающаго врага. Пусть онъ пропадаетъ какъ собака. Мы не обязаны потакать безчестнымъ людямъ.

— Глупецъ! зачѣмъ ты хватаешься за соломенку? говорилъ спокойный здравый смыслъ утопающему челоѣку.

— Негодный, жалкій челоѣкъ! долго ли ты будешь вилать и увертываться отъ неизбѣжной необходимости вписать свое имя на столбцѣ роковой газеты? говоритъ процвѣтающій счастливецъ коммерческаго міра оторопѣвшему горемыкѣ, поставленному на край мрачной бездны.

Джонъ Осборнъ преслѣдовалъ своего задушевнаго дру-

га съ отчаяннымъ упорствомъ закоснѣлаго врага. Ктому же, надлежало ему окончательно разорвать тѣсную связь между дочерью Седли и своимъ собственнымъ сыномъ, и такъ-какъ обѣ фамиліи зашли слишкомъ далеко въ этомъ дѣлѣ, компрометируя нѣкоторымъ образомъ счастье и даже нравственный характеръ бѣдной дѣвушки, то необходимо было выставить сильнѣйшія причины для такого разрыва, и Джонъ Осборнъ, во что бы ни стало, долженъ былъ доказать, что поведеніе Джона Седли никуда не годится.

Такимъ образомъ, на биржѣ, въ присутствіи кредиторовъ, Джонъ Осборнъ обнаруживалъ отчаянное презрѣніе къ Джону Седли, и это почти совсѣмъ доканало разбитое сердце погибающаго челоѣка. Всякія сношенія Джорджа съ миссъ Амеліей были запрещены строжайшимъ образомъ, подѣ опасеніемъ отеческихъ проклятій, если молодой челоѣкъ, сверхъ чаянія, задумаетъ опять сдѣлаться внимательнымъ къ своей бывшей невѣстѣ. Произнося это непреложное veto, Джонъ Осборнъ не посовѣстился оклеветать невинную дѣвушку, называя ее легкомысленной и вѣтреной кокеткой, заслуживающей полного презрѣнія со стороны порядочнаго джентльмена. Гнѣвъ и ненависть отличаются, между-прочимъ, тѣмъ оригинальнымъ свойствомъ, что клеветникъ, съ теченіемъ времени, самъ начинаетъ мало-по-малу вѣрить въ справедливость своихъ наговоровъ и сплетней. Джонъ Осборнъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, убѣжденъ, что Амелія пренегодная дѣвчонка.

Когда совершилась роковая катастрофа, и несчастное семейство банкрота переѣхало изъ Россель-Сквера къ Аделаидинымъ вилламъ, Амелія должда была увидѣть, что все кончилось между нею и Джорджемъ. Джонъ Осборнъ потрудился написать къ ней собственноручное письмо, гдѣ, въ грубыхъ выражегіяхъ, извѣщаль молодую дѣвушку, что *отнынь и впредь навсегда имѣютъ быть прекращены всякія обязательства между двумя фамиліями, поелику господинъ Джонъ Седли, къ великому огорченію и соболѣзнованію, обнаружилъ, въ послѣднее время, многія качества и свойства, несовмѣстныя съ достоинствомъ истиннаго джентльмена*. Всѣ эти удары молодая дѣвушка перенесла съ такою твердостію, какой вовсе не ожидала отъ нея мистриссъ Седли (старикъ Джонъ мало думаль о своей дочери; голова его исключительно была занята собственными дѣлами, бросавшими мрачную тѣнь на его коммерческую честь и доброе имя). Амелія прочитала письмо старика Осборна съ холоднымъ спокойствіемъ и грустной улыбкой на устахъ. Оно только служило для нея подтвержденіемъ мрачныхъ предчувствій, уже давно бременившихъ ея душу. Она прочитала себѣ приговоръ за преступленіе, въ которомъ давно была виновата, и приговоръ этотъ казался справедливымъ; зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, она любила слишкомъ сильно, наперекоръ внушеніямъ разсудка? И теперь, какъ прежде, бѣдная дѣвушка не обнаруживала своихъ мыслей. Горькая чаша ея страданій уже давно была наполнена до самаго края, и послѣднія событія

не прибавили къ ней ни одной капли. Такимъ образомъ, она перебралась изъ большого дома въ маленькую хижину безъ всякихъ взрывовъ болѣзненной тоски. Большую часть времени, теперь какъ и прежде, она оставалась въ своей маленькой комнатѣ, предавалась безмолвной грусти, и таяла какъ свѣчка со дня на день.

Изъ этого, однакожь, вовсе не слѣдуетъ, что всѣ женщины, при подобныхъ обстоятельствахъ, ведутъ себя совершенно одинаковымъ образомъ. Вы, на примѣръ, милая моя миссъ Буллокъ, отнюдь не стали бы крушить и томить своего джентльменскаго сердца. Вы принадлежите къ числу женщинъ съ твердою душою, и у васъ есть свой неизмѣнный правила. Я съ своей стороны тоже, мнѣ кажется, не сталъ бы мучиться по пустякамъ; сердце мое довольно настрадалось на своемъ вѣку; и, признаюсь, я съ успѣхомъ вынырнулъ изъ омута страданій. Но есть на свѣтѣ созданія чрезвычайно слабя, съ хрупкими, деликатными и до крайности нѣжными сердцами.

Старикъ Джонъ Седли рѣдко думалъ о сношеніяхъ между Джорджемъ и Амеліей; но когда случалось ему намекать на этотъ пунктъ, онъ становился чрезвычайнаго мрачнымъ и выходилъ, бывало, изъ себя, также какъ самъ господинъ Осборнъ. Онъ проклялъ Осборна и все его семейство, какъ бездушное, безнравственное и въ высшей степени неблагодарное. Никакія силы и власти, клялся онъ, не заставятъ его выдать свою дочь за сына этого негодая, и на этомъ основаніи

онъ приказаль Амеліи выгнать Джорджа изъ своей души, и возвратить ему всѣ полученныя отъ него письма и подарки.

Амелія общалась повиноваться, и тутъ же, не дѣлая значительныхъ усилій надъ своимъ сердцемъ, взяла изъ своей шкатулки двѣ или три бездѣлки, полученныя въ подарокъ, но когда дѣло дошло до писемъ, она вынула ихъ изъ таинственнаго убѣжища, гдѣ они хранились, и начала читать ихъ, всѣ до одного, читать пристально, благоговѣйно, какъ-будто и безъ того она не знала ихъ наизусть. Неужели ей разстаться съ этимъ единственнымъ сокровищемъ отъ прежней жизни? Нѣтъ, это свѣше ея силъ. Она положила ихъ опять на свою грудь, какъ мать, которая, случалось ли вамъ видѣть это? — прижимаетъ къ своимъ устамъ и лелѣетъ на своихъ рукахъ умершаго младенца. Амелія почувствовала, что она умретъ или сойдетъ съ ума, какъ-скоро судьба лишитъ ее и этого послѣдняго утѣшенія. Какъ, бывало, она краснѣла и расцвѣтала, когда приходили эти письма! Какъ билось ея сердце, и съ какою торопливостью она убѣгала въ свою комнатку, чтобы прочесть ихъ наединѣ, втихомолку! Нѣтъ нужды, что они были иной разъ холодны какъ ледъ; любящее сердце молодой дѣвушки съ непостижимымъ искусствомъ умѣло открывать въ нихъ искры пламенной и нѣжной страсти. Случалось, черезъ нихъ проглядывалъ какой-то странный и наглый эгоизмъ, нѣтъ нужды: Амелія всегда умѣла извинить своего благороднаго и великодушнаго друга.

И надъ этими ничтожными бумагами задумывалась те-

перь молодая дѣвушка, не зная себѣ покоя ни днемъ ни ночью! Она жила въ своей прошедшей жнзни, а каждое письмо припоминало ей какую-нибудь подробность изъ похожденій возлюбленнаго друга. Какъ хорошо она помнила его рѣчь и взоры, его костюмъ. Всѣ его жесты при томъ или другомъ свиданіи! И Джорджъ Осборнъ не существуетъ болѣе для миссъ Амеліи Седли! Его письма – единственные остатки затухшей страсти и единственное занятіе ея жизни. Она будетъ ихъ читать и перечитывать до послѣдняго вздоха ея груди.

На смерть смотрѣла она съ невыразимою отрадой. Тамъ, за могилой, думала Амелія, ни что мнѣ не помѣшаетъ слѣдовать за нимъ.

Не думайте однакожь, что я пишу панегирикъ этой героинѣ илиставляю ее за образецъ подражанія для пріятельницы моей, миссъ Буллокъ. Сія послѣдняя дѣвица не нуждается въ моихъ совѣтахъ, и превосходно знаетъ, какъ, въ томъ или другомъ случаѣ, должно сообщать направленіе своимъ джентльменскимъ чувствамъ. Миссъ Буллокъ никогда бы не довела себя до тѣхъ крайностей, въ которыя, по неопытности и неблагоразумію, была вовлечена миссъ Амелія Седли. Что за расчетъ отдать невозвратно свою любовь, пожертвовать своимъ сердцемъ, не имѣя впереди ничего, кромѣ голословнаго обѣщанія, которое можно нарушить въ одну минуту?

Еслибъ Амелія могла слышать, какія комментаріи дѣлались на ея счетъ въ джентльменскомъ кругу, откуда она из-

гнана банкротствомъ отца, она увидѣла бы, въ чемъ состояло ея преступленіе, затмѣвавшее ея нравственный характеръ. Мистриссъ Смитъ положительно была увѣрена, что такой вѣтреницы свѣтъ не производилъ; мистриссъ Браунъ всегда, можно сказать, съ ужасомъ смотрѣла на такую страшную фамиліярность съ молодымъ человѣкомъ, и всегда на этотъ счетъ предостерегала своихъ милыхъ дочерей.

— Ну, разумѣется, не жениться же капитану Осборну на дочери банкрота, говорили дѣвицы Доббинъ. Довольно и того, что фамилія обманута отцомъ. Чтожъ касается до этой малютки, Эммы, глупость ея ужъ право превосходила все...

— Все... что? заревѣлъ кептенъ Доббингъ. Развѣ они не были помолвлены съ дѣтскихъ лѣтъ? И чемъ, желалъ бы я знать, неровень этотъ бракъ? Какая безумная душа осмѣлится заикнуться дерзкимъ словомъ противъ этого чистаго, невиннаго, нѣжнаго созданія— противъ этого ангела въ женскожь тѣлѣ?

— Потихе, Вилльямъ, потихе, сударь, мы не мужчины, возразила миссъ Дженни. Мы не можемъ сражаться съ вами. И что жъ такое? Мы ничего не сказали противъ миссъ Седли, кромѣ того, что ея поведеніе было *до крайности неблагоразумно* — чтобъ не называть его худшимъ именемъ — и что ея родители принадлежать къ извѣстной породѣ людей, которые вполне заслужили свое несчастье.

— Ужь не хочешь ли ты самъ, Вилльямъ, посвататься за миссъ Седли? спросила миссъ Анна саркастическимъ тоно-

мъ: въ добрый часъ; сердце ея свободно. Хи, хи, хи! Какая чудесная партія... хи! хи!

— Мнѣ жениться на миссъ Седли! воскликнуть Доббинъ, красный какъ жареный гусь, и съ трудомъ удерживая порывы сильнѣйшаго негодованія. Думаете ли вы, милостивыя государины, что она способна играть своими чувствами, такъ же какъ вы? Смѣйтесь надъ этимъ ангеломъ, подскрывайте надъ нимъ сколько угодно, она васъ не услышитъ. Какъ тутъ не смѣяться? она беззащитна и несчастна, слѣдовательно, вы можете обижать ее вдоволь. Ну, миссъ Анна, продолжайте: вы шутите очень мило, и всѣ мы съ удовольствіемъ слушаемъ ваши остроты.

— Говорю тебѣ опять, Вилльямъ, мы не мужчины, замѣтила миссъ Анна.

— Да, клянусь честью, я очень жалѣю, что все это мнѣ сказано не мужчиною, проревѣлъ этотъ неукротимый британскій левъ. Еслибъ какой-нибудь мужчина осмѣлился произвести противъ нея обидное слово, я увидѣлъ бы, чортъ побери, какой у него лобъ, чугунный или мѣдный. Но мужчины не говорятъ такихъ вещей, миссъ Анна, женщины однѣ только умѣютъ шушукать, пищать, визжать и сплетничать, какъ-скоро рѣчь заходить о женщинѣ... Ну, опять пойдетъ потѣха... полно, полно. Я вѣдь только назвалъ васъ гусынями, продолжалъ Вилльямъ Доббинъ, замѣтивъ, что розовыя глазки миссъ Анны отуманиваются обыквенной влагой. Ну, ну, вы не гусыни, вы лебеди... все что хотите, толь-

ко, пожалуіста, оставьте въ покоѣ миссъ Седли.

— Уму непостижимо, отчего это Вилльямъ привязался къ этой востроносой кокеткѣ! думали единодушно мистриссъ Доббинъ и всѣ ея дочки. Для такой глупости и примѣровъ не сыщется на бѣломъ свѣтѣ.

И на этомъ основаніи, онѣ трепетали единосердечно, воображая, что хитрая кокетка, брошенная Осборномъ, завербуетъ себѣ новаго обожателя въ лицѣ одурѣлаго Вилльяма Доббина. Имъ было извѣстно, что такіе опыты производились весьма часто въ кругу ихъ знакомокъ, и — почему знать? — быть-можетъ онѣ сами поступили бы точно такимъ образомъ на мѣстѣ бѣдной дѣвушки, покинутой своимъ женихомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, предчувствія ихъ могли основываться на собственномъ ихъ понятіи о подобныхъ опытахъ.

— Это еще слава Богу, мама, что полкъ ихъ скоро выступаетъ за границу, говорили молодая дѣвицы: авось это, по крайней мѣрѣ на время, освободитъ брата отъ сѣтей кокетки.

Дѣло, въ самомъ дѣлѣ, получало именно такой оборотъ, скоро возведенный на стеньгъ историческаго факта. По распоряженію судьбы, корсиканскій выходецъ долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ этой домашней драмѣ, разыгрываемой на базарѣ житейской суеты; ей бы и не кончиться безъ могущественнаго содѣйствія этого великаго героя въ политическомъ мірѣ. Наполеонъ рѣшительно разорилъ въ конецъ господина Джона Седли. Съ его прибытіемъ, вся

Франція стала подь ружье, Европа заколыхалась, и, что всего хуже, фонды рѣшительно упали на лондонской биржѣ. Между тѣмъ какъ Французы группировались на Майскомъ полѣ подь побѣдоносными орлами, четыре европейскіе гиганта готовились устроить *chasse à l'aigle*, и одинъ изъ нихъ явился въ британской арміи, гдѣ между-прочимъ были два знаменитые героя: кептенъ Доббинъ и капитанъ Осборнъ.

Новость о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы и пріемъ, оказанный ему въ столицѣ Франціи, преисполнили огненнымъ энтузіазмомъ весь Трильйонный полкъ, еще такъ недавно отличавшійся своими похождениями по ту сторону океана. Благородное честолюбіе, надежда, патріотическое рвеніе восиламенили всѣхъ, отъ полковника до послѣдняго барабанщика, и каждый готовъ былъ поблагодарить лично отъ себя корсиканскаго выходца за его неугомонную юркость. Уже давно Трильйонный полкъ горѣлъ нетерпѣніемъ доказать своимъ товарищамъ въ британской арміи, что вестиндскій зной и желтая лихорадка не истребили въ немъ порывовъ мужества и чести, и вотъ наступила наконецъ желанная пора для подвиговъ великихъ. Стоббль и Спуни надѣялись, безъ всякихъ хлопотъ, получить слѣдующій чинъ, майорша Одаудъ надѣялась, въ концѣ компаніи, подписываться мистриссъ полковницей Одаудъ Трильйоннаго полка. Пріятели наши, Доббинъ и Осборнъ, раздѣляли, каждый по своему, всеобщій восторгъ: Доббинъ былъ спокоенъ, тихъ и важенъ, мистеръ Осборнъ беззаботно предавался увлеченію

пылкаго чувства, и оба въ одинаковой степени готовы были исполнить свою обязанность на полѣ чести и славы.

Волненіе, произведенное повсюду свѣжимъ политическимъ событіемъ, было такого рода, что въ столицѣ почти не обращали вниманія на частныя дѣла, и вотъ почему собственно Джорджъ Осборнъ, занятый приготовленіями къ неизбѣжно-предстоявшему походу, пропускалъ почти мимо ушей всѣ другія событія, которыя, нѣтъ сомнѣнія, были бы для него интересны въ мирное время. Сказать правду, онъ не слишкомъ огорченъ былъ катастрофой, разразившейся надъ головою добраго мистера Седли. Онъ имѣлъ поэтическое совѣщаніе съ своимъ портнымъ въ тотъ самый день, когда кредиторы въ первый разъ обступили этого несчастнаго джентльмена. Старикъ-отецъ рассказалъ ему о *постыдно-мъ и безчестномъ поведеніи банкрота*, намекнулъ деликатнымъ образомъ о необходимости прервать всякія сношенія съ легкомысленной дѣвочкой, и, въ заключеніе, далъ ему въ тотъ вечеръ значительную сумму денегъ для закупки разныхъ разностей, необходимыхъ для похода, Джорджъ принялъ деньги съ великимъ удовольствіемъ, и пожелалъ своему родителю спокойной ночи. Печатныя объявленія уже висѣли надъ окнами дома Седли, гдѣ онъ провелъ многое множество пріятныхъ часовъ. Джорджъ ясно разсмотрѣлъ ихъ при свѣтѣ луны, когда проходилъ мимо этого дома на свою городскую крартуру. Стало-быть, гостепріимный домъ былъ запертъ для бѣдной Эмми и родителей ея; куда жъ они

дѣвались, и гдѣ ихъ настоящій пріютъ? Мысль о погибели несчастнаго семейства произвела непріятное впечатлѣніе на его душу. Джорджъ былъ въ этотъ вечеръ очень задумчивъ и печаленъ въ общей залѣ гостиницы «Пестраго Быка», гдѣ была его квартира, и пилъ слишкомъ много, такъ-что это обратило на него вниманіе товарищей, сидѣвшихъ за общимъ столомъ.

Скоро пришелъ Доббинъ, и заботливой рукою отстранилъ отъ него четвертый или пятый стаканъ пунша, который онъ велѣлъ подать себѣ собственно отъ скуки; но когда другъ Доббинъ обнаружилъ намѣреніе вступить съ нимъ въ серьезный разговоръ, Осборнъ отклонился отъ всякихъ отвѣтовъ, и признался, что ему чертовски грустно.

Черезъ три дня, Доббинъ засталъ своего друга въ его комнатѣ. Осборнъ сидѣлъ, облокотившись руками на столъ, заваленный газетными листами, и былъ, казалось, погруженъ въ мрачное раздумье,

— Что съ тобою, мой другъ? съ безпокойствомъ спросилъ кептенъ Доббинъ.

— Она... она прислала мнѣ назадъ... мои подарки... вотъ эти. демонскія побрякушки. Посмотри сюда! Доббинъ взглянулъ на пакетъ съ надписью: «Капитагу Джорджу Осборну». Надпись была сдѣлана извѣстною рукою. Подлѣ пакета въ беспорядкѣ лежали: золотое колечко, серебряный перочинный ножикъ, купленный для нея на ярмаркѣ Джорджемъ, когда онъ былъ еще мальчикомъ, золотая цѣпочка и миньятюр-

ный медальйонъ съ волосами.

— Все кончено! сказалъ Осборнъ съ глубокимъ стономъ, вызваннымъ, вѣроятно, угрызеніемъ совѣсти. Вотъ тебѣ, Вильямъ, читай, если хочешь.

Онъ подалъ ему небольшое письмецо изъ нѣсколькихъ строкъ. Доббинъ прочиталъ:

«Папенька приказалъ мнѣ возвратить вамъ всѣ сій подарки, полученные отъ васъ въ счастливые дни моей жизни. Я пишу къ вамъ въ послѣдній разъ. Не сомнѣваюсь, вы также какъ я чувствуете всю силу поразившаго насъ удара. Я первая разрѣшаю васъ отъ обязательства, котораго исполненіе невозможно при настоящей бѣдности нашего семейства. Я увѣрена также, что вы не раздѣляете жестокихъ подозрѣній господина Осборна, которыя, быть-можетъ, всего болѣе сокрушаютъ разбитое сердце моего отца. Прощайте. Прощайте. Стану молиться Богу, чтобы онъ подкрѣплялъ меня среди всѣхъ этихъ несчастій, и благословилъ васъ навсегда. А.

«Я буду играть на фортепьяно, — на вашемъ фортепьяно. Какъ это мило съ вашей стороны прислать мнѣ эту — теперь уже единственную мою драгоценность!»

Доббинъ былъ джентльменъ удивительно нѣжный. Взглядъ на страдающихъ дѣтей или женщинъ всегда приводилъ его въ трогательное умиленіе. Мысль, что Амелія скорбитъ душевно и томится въ своемъ одиночествѣ, переполняла его душу невыразимою тоской, и онъ обнаружилъ такіе признаки внутренняго волненія, которые, быть-можетъ,

не совсѣмъ приличны мужу съ характеромъ рѣшительнымъ и твердымъ. Онъ клялся, что Амелія – небесный ангель, и съ этимъ мнѣніемъ Джорджъ согласился теперь отъ чистаго сердца. Еще разъ мистеръ Осборнъ пересмотрѣлъ исторію ихъ общей жизни, и воображеніе нарисовало ему картину этой дѣвушки съ дѣтскихъ ея лѣтъ до перваго цвѣта роскошной юности: всегда и вездѣ такъ она мила, невинна, очаровательно-простодушна и безыскусственно-нѣжна!

И неужели онъ долженъ потерять все это тогда, какъ ему ничего не стоило овладѣть сокровищами этой юной души?.. Тысячи нѣжныхъ сценъ и воспоминаній пронеслись передъ его умственнымъ взоромъ: вездѣ, всегда и во всемъ она была прелестна и добра. А онъ?.. мистеръ Джорджъ Осборнъ покраснѣлъ отъ стыда и угрызений, когда собственный его эгоизмъ и равнодушіе пришли въ контрастъ съ этой совершеннѣйшей чистотою. Онъ забылъ теперь шумныя явленія въ политическомъ мірѣ, забылъ свой честолюбивые планы, и друзья начали разсуждать только о дочери банкрота.

– Гдѣ они теперь? спросилъ Осборнъ послѣ продолжительной бесѣды и длинной паузы.

Надобно сказать къ его стыду, что, съ нѣкотораго времени, онъ совершенно выпустилъ изъ вида свою невѣсту, и не зналъ, куда переселилось несчастное семейство Джона Седли.

– Гдѣ они теперь? къ письму не приложенъ адресъ.

Доббинъ зналъ гдѣ они. Онъ не только отослалъ къ ни-

мъ фортепьяно, но въ добавокъ отправилъ, по городской почтѣ, письмо къ мистриссъ Седли, испрашивая позволеніе навѣщать ихъ на знаменитыхъ Виллахъ Аделаиды. И не далѣе какъ вчера онъ видѣлъ добрую старушку, видѣлъ миссъ Амелію и, что всего важнѣе, самъ принесъ въ гостинницу «Пестраго Быка» это прощальное письмо и пакетъ, которые такъ глубоко растрогали душу и сердца обоихъ друзей.

Добросердечный джентльменъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что мистриссъ Седли изъявила полную готовность принять его радушно, какъ одного изъ короткихъ пріятелей, навѣщавшихъ ея госгепріимный домъ на Россель-Скверѣ. Старушка находилась еще подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній послѣ прибытія фортепьяно, которое, какъ она догадывалась, прислалъ Джорджъ въ знакъ памяти и дружбы. Не считая нужнымъ исправлять эту ошпбку достойной леди, кептенъ Доббинъ выслушалъ внимательно ея длинную и жалобную повѣсть, соболѣзновалъ ея лишеніямъ. и бѣдствіямъ, и вполнѣ согласился, что старикъ Осборнъ обнаружилъ черную неблагодарность къ своему благодѣтелю и другу. Когда наконецъ мистриссъ Седли поугомонилась въ изліяніи сердечной грусти, Доббинъ осмѣлился попросить позволеніе засвидѣтельствовать лично свое почтеніе миссъ Амеліи, которая, какъ-обыкновенно, была всегда наверху въ своей одинокой каморкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, мать свела ее съ лѣстницы, и бѣдняжка вошла въ комнату, трепещущая и блѣдная какъ полотно.

Ея могильная наружность и мрачныя черты отчаянія на всей ея фигурѣ были такъ поразительно-рѣзки, что благородный Вильямъ Доббинъ затрепеталъ при взглядѣ на юную страдалицу, и ясно разобралъ на ея челѣ роковые слѣды зловѣщихъ предчувствій. Она посидѣла съ нимъ минуты двѣ или три, и потомъ, вручая ему пакетъ, проговорила голосомъ нерѣшительнымъ и слабымъ:

— Потрудитесь отдать это капитану Осборну и... и я надеюсь, что онъ совершенно здоровъ и... это очень любезно, что вы пожаловали къ намъ и... и мы всѣ полюбили нашъ новый домикъ, и намъ здѣсь хорошо. И... и... я пойду наверхъ, мама, потому, что... такъ... мнѣ что-то не здоровится сегодня. Прощайте, капитанъ.

Съ этими словами, миссъ Амелія сдѣлала книксенъ, улыбнулась, и побрела назадъ въ свою каморку. Мать, провожая ее наверхъ, бросила на Доббина взглядъ, исполненный отчаянной тоски; но великодушный джентльменъ не нуждался въ такомъ безмолвномъ обращеніи къ себѣ; онъ самъ любилъ ее слишкомъ нѣжно, чтобы не сочувствовать ея горю. Невыразимая грусть, соболѣзнованіе, страхъ, глубоко заронились въ его душу, и онъ поспѣшилъ удалиться изъ этого пріюта нищеты и скорби.

Какъ-скоро мистеръ Осборнъ услыхалъ, что пріятель его знаетъ, гдѣ они живутъ, вопросы его обнаружили нетерпѣніе и пылкость пробудившейся страсти. Какъ онъ ее видѣлъ? Въ какомъ положеніи засталъ? Что она дѣлала? Что говорила?

Кептенъ Доббинъ взялъ его руку, пристально взглянулъ ему въ лицо, и сказалъ:

— Джорджъ! Она умираетъ!

Больше ничего не могъ вымолвить кептенъ Доббинъ.

Во всемъ домѣ, гдѣ пріютилось несчастное семейство банкрота, была только одна служанка, бойкая ирландская дѣвушка, исправлявшая всѣ обязанности горничной и кухарки. Нѣсколько дней сряду она старалась утѣшить свою барышню и разогнать ея тоску своею болтовней; но Эмми ничего не отвѣчала; едва-ли даже и знала она какія попытки дѣлаются въ ея пользу другими людьми.

Часа черезъ четыре послѣ дружескаго разговора между Доббиномъ и Осборномъ, дѣвушка-ирландка вбѣжала въ комнату Амеліи, гдѣ она вѣчно сидѣла надъ своими письмами, читая и перечитывая ихъ сотню тысячъ разъ. Дѣвушка улыбнулась, бросила веселый и лукавый взглядъ, и даже затянула какую-то пѣсню, чтобы обратить на себя вниманіе бѣдной Эмми, которая однакожь ничего не видала и не слышала.

— Миссъ Эмми! закричала ирландка.

— Иду, отозвалась Эмми, не оглядываясь назадъ.

— Пришли къ вамъ, продолжала веселая дѣвушка. Тамъ внизу понимаете? кто-то спрашиваетъ васъ, и вотъ къ вамъ новое письмо... перестаньте читать старыя, миссъ Эмми.

И она подала ей записку, въ которой Эмми прочла слѣдующія слова:

«Я долженъ васъ видѣть. Милая, обожаемая Эмми... жизнь моя... любовь моя... ангель Эмми, прійди ко мнѣ.»

Джорджъ и мистриссъ Седли разговаривали внизу, пока читалось на верху это новое письмо.

Глава XVIII

Миссъ Кроли подъ опекой въ своей спальнѣ

Мы уже видѣли, что мистриссъ Фиркинъ, горничная и до-
вѣренное лицо старой дѣвицы, считала своею неперемѣнною
обязанностію писать отношенія, доклады и рапорты въ пас-
торатъ на «Королевиному усадьбу» по поводу всякаго, сколь-
ко-нибудь замѣчательнаго событія на Парк-Ленѣ, и мы на-
мѣкнули отчасти, что сама мистриссъ Бьютъ, по добротѣ сво-
его сердца, оказывала особое вимманіе и благосклонность къ
этому довѣренному лицу при особѣ миссъ Матильды Кроли.
Мистриссъ Бьютъ была тоже до крайности добра къ благо-
родной компаньонкѣ, мистриссъ Бриггсъ, и привлекла ее на
свою сторону множествомъ тѣхъ неуволимыхъ признаковъ
внимательности и мелкихъ обѣщаній, которыя ничего почти
не стоятъ предлагающему лицу, между тѣмъ какъ принима-
ющая особа дорожить имъ чуть ли не болѣе всего на свѣтѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, всякой расчетливый хозяинъ и обра-
зованный домоуправитель долженъ знать превосходно, какъ
къ намъ дешево, въ извѣстныхъ случаяхъ, обходятся тѣ сла-
денькія приправы, которыя сообщаютъ самый благовонный
запахъ и пріятный вкусъ обыкновеннымъ блюдамъ въ до-
машней жизни. Желалъ бы я знать, какой это чудакъ выду-

маль пословицу — «Соловья баснями не кормят?» Мнѣ извѣстно по многочисленнымъ опытамъ, собраннымъ на рынкѣ житейскихъ тревоженій, что одной хорошей басней можно иной разъ угостить цѣлыя сотни соловьевъ и соловьихъ. Пословица «Сухая ложка ротъ деретъ» тоже никуда не годится, и по моему мнѣнію, тотъ былъ простакъ, кто первый пустилъ ее въ ходъ. Превосходный поварь, такой, напримѣръ, какъ безсмертный Алексисъ Сойе, можетъ, если захочетъ, накормить васъ за полпени въ тысячу разъ лучше, чѣмъ какая-нибудь кухарка, которую вы снабдили, за фунтъ стерлинговъ, разнообразными пряностями и кореньями съ травянаго рынка. Такъ и въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ: опытный артистъ извернется двумя или тремя сладенькими фразами тамъ, гдѣ для какого-нибудь вахлака потребны цѣлыя тетради увѣсистыхъ троповъ и фигуръ. Этого мало: увѣсистыя приправы, какъ всѣмъ извѣстно, тяготятъ и разстроиваютъ желудокъ, между тѣмъ какъ всякій удобно переварить легкую пищу изъ простѣйшихъ элементовъ.

Мистриссъ Бьютъ, мы это видѣли, была превосходная хозяйка, рѣдкая мастерица своего дѣла. Въ короткое время она употчивала Бриггсъ и мистриссъ Фиркинъ до такой степени, что онѣ были безъ ума отъ ея хлѣбосольтва, хотя; собственно говоря, ничего не было на ея етолѣ, кромѣ соловьиныхъ басень. Не проходило дня, когда бы мистриссъ Бьютъ не говорила имъ о своей глубокой привязанности, и о томъ, чтобы она сдѣлала для нихъ, еслибы имѣніе старушки нахо-

дилось въ ея рукахъ. Почтенныя старушки слушали развѣся уши, и сердобольныя сердца ихъ проникались такою благодарностью, какъ-будто мистриссъ Бьють осыпала ихъ драгоценнѣйшими сокровищами изъ всѣхъ частей свѣта.

Родонъ Кроли, напротивъ того, какъ джентльменъ, до крайности недалъновидный, никогда не старался завербовать на свою сторону тетушкиныхъ адъютантовъ. Онъ оказывалъ искреннее презрѣнiе къ обѣимъ дамамъ: разъ или два, — гдѣ это видано? гдѣ это видано? заставлялъ довѣренную особу снимать сапоги съ своихъ ногъ, посылалъ ее въ дождь и слякоть съ грязными порученiями въ какую-нибудь табачную лавчонку, и если когда-нибудь онъ давалъ ей какую-нибудь гинею, то эти деньги, съ позволенiя сказать, звучали словно пощечиной въ ушахъ достопочтенной мистриссъ Фиркинъ. Тетушка его всегда издѣвалась надъ миссъ Бриггсъ, и благородная компаньонка служила постоянно мишенью всѣхъ ея шутокъ: кептенъ Кроли, увлеченный благимъ примѣромъ, не отставалъ отъ своей тѣтушки, и остроумныя его шуточки были столько же деликатны, какъ ляганье его кургузаго коня. Мистриссъ Бьють между тѣмъ совѣтовалась съ благородной гувернанткой во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, разсуждала съ нею о поэзiи и превозносила похвалами ея собственныя издѣлiя по стихотворной части. Случалось, хотя довольно рѣдко, мистриссъ Фиркинъ получала отъ нея монету въ два пенса съ половиной; но этотъ скудный подарокъ сопровождался такими комплимен-

тами и дружескими взглядами, что два пенса съ половиной мгновенно превращались въ слитокъ золота въ благодарномъ сердцѣ этой дамы, которая притомъ, заглядывая въ будущность, смѣло могла рассчитывать на золотыя горы, какъ-скоро мистриссъ Бьютъ вступить въ законное наслѣдство престарѣлой леди.

Съ намѣреніемъ мы распространились объ этихъ двухъ способахъ вести свой дѣлишки на житейскомъ рынкѣ, чтобы воспользоваться случаемъ дать приличное наставленіе неопытнымъ джентльменамъ. Хвалите всѣхъ и каждого, милостивые государи, и ни въ какомъ случаѣ не задирайте своего носа: смѣло говорите свой комплименты въ глаза, и еще смѣлѣе произносите ихъ заочно, какъ-скоро вы знаете, что васъ могутъ подслушать. Никогда не пропускайте случая сказать ласковое слово, и помните, что, рано или поздно, вамъ отплатятъ на широкомъ. Базаръ Житейской Суеты. Коллингвудъ, вы знаете, никогда не могъ видѣть пустаго мѣста въ своихъ владѣніяхъ, безъ того, чтобы не бросить на него жолудь изъ своего кармана: такъ поступайте и вы съ своими комплиментами. Жолудь вамъ ничего не стоитъ, но изъ него можетъ разростись огромный строевой лѣсъ.

Когда процвѣталъ и блаженствовалъ Родонъ Кроли, ему повиновались молча, съ подобострастнымъ спокойствіемъ и безъ всякихъ отговорокъ; но когда наступили для него черныя дни опалы и невзгоды, никто его не пожалѣлъ, и никто не явился къ нему на помощь. Но когда мистриссъ Бьютъ

приняла въ свое владѣніе джентльменскій домикъ на Парк-Ленѣ, верхній и нижній департаменты возрадовались всѣмъ своимъ сердцемъ, разсчитывая на всѣ возможныя повышенія и льготы подъ великодушной администраціей доброй управительницы дома.

Нечего было и думать, что кептенъ Кроли, послѣ перваго пораженія, отступить навсегда съ поля битвы, и не будетъ стараться выиграть опять выгоднѣйшую позицію; съ которой его сбили. Мистриссъ Бьютъ Кроли слишкомъ хорошо понимала житейскія дѣла, чтобы допустить неосновательное предположеніе въ этомъ родѣ. Она знала также, какъ дважды два, что хитрая и отчаянная Ребекка не задумается ни на минуту вступить опять въ открытую борьбу. Мистриссъ Бьютъ Кроли понимала настоящую необходимость приготовиться къ мужественному отраженію неизбѣжныхъ приступовъ и нападеній.

Во первыхъ, крѣпость была въ ея рукахъ — этотъ пунктъ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію, но можно ли было поручиться за главнаго ея владѣльца? Почему знать — быть-можетъ миссъ Кроли сгарала тайнымъ желаніемъ вступить въ миролюбивые переговоры съ изгнаннымъ врагомъ. Старушка любила Родона Кроли, любила и Ребекку, которая умѣла мастерски разгонять ея скуку. Мистриссъ Бьютъ, съ горестію и сокрушеніемъ сердечнымъ, не могла не признать достовѣрнаго факта, что никто изъ членовъ ея собственнаго семейства не оказывался годнымъ для забавъ и удовольствій

благовоспитанной городской леди.

— Я знаю, разсуждала мистриссъ Бьютъ, пѣніе дочерей моихъ, послѣ этой ненавистной гувернантки, никуда не годится. Матильда всегда бывало спить, когда Марта и Луиза поють для нея свои дуэты. Сынокъ мой, Джемсъ, просто нестерпимъ съ своими необтесанными манерами студента; про муженька нечего и распространяться: у него на умѣ только лошади да собаки. Ну, какъ тутъ пригласить ее къ себѣ; въ этотъ несчастный пасторать? Она разсердится на всѣхъ насъ, и убѣжить вѣроятно послѣ первой же ночи. Тогда пиши опять, что все пропало. Не успѣешь оглянуться, а Родонъ какъ-тутъ заграбастаетъ ее въ свои когти, и эта полколодная змѣя запуститъ свое жало въ самое сердце бѣдной старухи... Одно для меня ясно: Матильда больна ужасно, и, вѣроятно, не оправится еще недѣли три, четыре. Ну, чему быть, тому не миновать, а ужъ, пока лежитъ она въ постели, и не дамъ ее въ обиду этимъ безнравственнымъ людямъ. Мой священный долгъ: защищать немочную женщину всѣми зависящими отъ меня средствами противъ злонамѣреннаго покушенія негодяевъ.

Миссъ Матильда Кроли, несмотря на врожденную веселость, имѣла довольно мнительный характеръ. Если, бывало, кто замѣчалъ ей, что она какъ-будто немножко похудѣла и цвѣтъ ея лица какъ-будто немножко измѣнился, трепещущая старуха немедленно посылала за докторомъ и шпиговала себя порошками и микстурами безъ всякой пощады. Но

теперь, послѣ внезапнаго фамильнаго переворота, она была дѣйствительно больна — да и чьи нервы могли бы устоять противъ такихъ страшныхъ потрясеній? По крайней мѣрѣ, мистриссъ Бьють, вѣрная своимъ филантропическимъ обязанностямъ, поспѣшила немедленно извѣстить доктора, и аптекаря, и компаньйонку, и всю прлслугу, что миссъ Кроли находится въ самомъ опасномъ положеніи, и что, слѣдовательно, надобно держать ухо востро. По ея распоряженіямъ, улица передъ окнами была завалена по колѣно толстыми слоями соломы, и мистеръ Баульсъ окуталъ толстымъ войлокомъ дверной молотокъ у подъѣзда, чтобы никто не обезпokoилъ страдалицу неосторожнымъ стукомъ. Докторъ неизмѣнно долженъ былъ являться два раза въ день, и она угощала паціентку отвратительной микстурой черезъ каждые два часа. Если кто-нибудь ненарокомъ входилъ въ комнату, мистриссъ Бьють произносила такое шипучее и зловѣщее *шущушущишшш*, что старушка невольно вздрагивала на своей постели, и съ трепетомъ обращала свой испуганный взоръ на бисерные глаза мистриссъ Бьють, которая неподвижно сидѣла въ креслахъ подлѣ кровати. Страшно свѣтились эти глаза среди постоянного мрака (занавѣсы всегда были опущены), и когда сердобольная дама выступала по комнатѣ въ своихъ бархатныхъ туфляхъ, миссъ Кроли невольно воображала тигрицу съ ея острыми когтями.

Такъ проходили дни, длинные, безконечные дни. Повременамъ, мистриссъ Бьють читала для нея назидательныя

книги голосомъ заунывнымъ, погребальнымъ; но чаще всего она, безъ вчякой опредѣленной цѣли, прислушивалась къ глухому уличному шуму и монотонной пѣсни ночныхъ сторожей. Въ полночь приходилъ домашній врачъ, и мистриссъ Бьютъ, выслушивая его наставленія, покачивала головой какъ вѣдьма, и дико моргала своими глазами, обращенными на потолокъ. Сама богиня здравія могла бы пошатнуться и захнуть при такой медицинской обстановкѣ!

Недуги тѣла и души произвели въ короткое время сильнѣйшее опустошеніе въ разстроенномъ организмѣ нервной старухи. Чѣмъ больше при нормальномъ состояніи здоровья хвасталась она модной доктриной французской философіи восемнадцатаго вѣка, тѣмъ болѣе теперь преслѣдоваль ее могильный страхъ; и воображеніе рисовало передъ ней всѣ ужасы замогильнаго бытія...

Подражая современнымъ романистамъ, мы могли бы, по этому поводу, пуститься въ самыя длинныя диссертаціи, не лишенные интереса въ философскомъ смыслѣ; но по опыту мы знаемъ, какую скуку наводятъ всѣ эти диссертаціи романистовъ на читателя. Это, однакожь, не мѣшаетъ намъ припомнить вѣковѣчную истину, что не все то золото, что блеститъ, и не всякій паяцъ въ балаганахъ на Базарѣ Житейской Суеты есть въ то же время беззаботный весельчакъ при своихъ домашнихъ пенатахъ, наединѣ съ тайнами своей души. Какъ часто одинъ и тотъ же актеръ, который смѣшитъ почтеннѣйшую публику на театральной сцѣнѣ, проливаетъ въ

тотъ самый вечеръ кровавыя слезы въ тиши своего кабинета! Какъ часто сладострастный эпикуреецъ, знаменитый своими чуть-ли не волшебными пирами, томится отъ горькой чаши страданій на своемъ болѣзненномъ одрѣ! И думаете ли вы, что ему становится легче отъ воспоминанія протекшихъ удовольствій? Думаете ли вы, что какая-нибудь дряхлая, изсохшая красавица утѣшится и усладить свою душу, какъ-скоро воображеніе разрисуетъ передъ ней цѣлый магазинъ модныхъ платьевъ и блистательные успѣхи на модныхъ балахъ, гдѣ нѣкогда всѣ благоговѣли передъ ней?..

— Что тутъ станешь дѣлать? разсуждала сердобольная мистриссъ Бьютъ, — мужъ мой, при настоящихъ обстоятельствахъ, могъ бы кауъ нельзя лучше пригодиться для этой больной старухи, если бы только онъ самъ не былъ болванъ-болваномъ. Теперь-то собственно и легко было бы убѣдить ее, что она должна передъ послѣднимъ издыханіемъ, отдать полную справедливость моимъ бѣднымъ дочерямъ и сыновьямъ, которые, право, слишкомъ заслуживаютъ эту благодѣтельность отъ своей родни.

Мистриссъ Бьютъ, вѣрная своей системѣ, старалась всѣми зависящими отъ нея средствами возбудить сильнѣйшее отвращеніе къ гнуснымъ дѣяніямъ Родона Кроли, и для этой филантропической цѣли она мало-по-малу представила ей цѣлый каталогъ такихъ ужасныхъ преступленій, за которыя можно было бы осудить цѣлыя полчища отъявленныхъ негодяевъ. Мистриссъ Бьютъ обнаружила рѣдкій семейный ин-

тересь и совершеннѣйшее знакомство съ похождениями Родона Кроли. Она знала всѣ подробности этой гадкой ссоры съ капитаномъ Файрбресомъ, гдѣ Родонъ, виноватый кругомъ съ самаго начала, вызвалъ капитана на дуэль и застрѣлилъ его на поваль. А что сдѣлалъ онъ съ этимъ несчастнымъ лердомъ Довделемъ? вообразите: матушка лорда наняла для него особый домъ въ Оксфордѣ, гдѣ получилъ онъ превосходнѣйшее воспитаніе, такъ что до пріѣзда въ Лондонъ не бралъ въ руки картъ и не имѣлъ понятія о бильярдной игрѣ? И что же? Родонъ началъ похаживать съ нимъ по трактирамъ, пріучилъ его пьянствовать, играть, буянить, такъ что бѣдный юноша просадилъ въ короткое время четыре тысячи фунтовъ чистоганомъ и сдѣлался, что называется, пропащимъ человекомъ. Яркими, поразительными и живыми красками мистриссъ Бюоть изображала до мельчайшихъ подробностей томительное отчаяніе раззоренныхъ имъ семействъ — сыновей, которыхъ онъ безжалостною рукою погрузилъ въ бездонную пропасть нищеты и пороковъ. Она знала несчастныхъ купцовъ, доведенныхъ до банкротства безумною расточительностью Родона Кроли (по неосторожности они вѣрили ему огромныя суммы на честное слово); но что всего болѣе возмущало и тревожило чувствительную душу мистриссъ Бюоть, такъ это, можно сказать, безпримѣрное безстыдство и наглость, какія онъ всегда обнаруживалъ въ своемъ поведеніи въ отношеніи къ великодушнѣйшей тѣткѣ, которой вотъ теперь и отплатилъ, наконецъ, самую чер-

ною, низкою и вмѣстѣ пресмѣшною неблагодарностью за всѣ ея жертвы. Всѣ эти исторіи она рассказывала миссъ Кроли потому единственно, что считала себя вправѣ дѣлать это по долгу совѣсти и чести; какъ мать добродѣтельнаго семейства. Бичуя такимъ образомъ свою отсутствующую жертву, мистриссъ Бьютъ не чувствовала въ душѣ ни малѣйшихъ угрызѣній, и даже гордилась необычайнымъ присутствіемъ духа; съ какимъ ей удавалось выполнять это безкорыстное дѣло. Да, кто что ни говори, а ужъ если нужно очернить и обезславить человѣка на рынкѣ житейскихъ тревоженій, такъ собственная родственница сдѣлаетъ это въ тысячу разъ лучше, чѣмъ всякой посторонній врагъ. Впрочемъ, относительно этого несчастнаго горемыки, Родона Кроли, мы должны признаться, что его было бы легко обвинить простымъ и яснымъ изложеніемъ дѣйствительныхъ подвиговъ его жизни, и мистриссъ Бьютъ напрасно беспокоилась принимать на себя трудъ изобрѣтенія скандальныхъ исторій раздирательнаго сорта.

Само-собою разумѣется, что и Ребекка, какъ новая родственница, сдѣлалась предметомъ особенной заботливости и попеченій со стороны мистриссъ Бьютъ. Сдѣлавъ напередъ предварительныя распоряженія относительно того, чтобъ на Парк-Ленѣ не смѣли принимать посланниковъ и писемъ отъ нечестиваго Родона Кроли, она приказала заложить коляску миссъ Кроли, и отправилась къ своей старой пріятельницѣ миссъ Пинкертонъ, на Чизвиккскій проспектъ, съ тою

похвальною цѣлю, чтобъ сообщить Благородной Академіи оглушительную вѣсть о похожденіяхъ миссъ Шарпъ, обольстившей Родона Кроли, и собрать на этомъ основаніи дополнительные свѣдѣнія относительно происхожденія и воспитанія отставной гувернантки. Пріятельшница лексикографа, съ великою охотой предложила свои обязательныя услуги. Немедленно поручено было миссъ Джемимъ отыскать въ домашнемъ архивѣ письма и росписки бывшаго учителя рисованья. Оказалось, что одно письмо было имъ отправлено изъ долговой тюрьмы; въ другомъ умолялъ онъ, ради самаго неба, прислать ему впередъ мѣсячное жалованье; въ третьемъ мистеръ Шарпъ покорнѣйше благодарилъ чизвиккскихъ дамъ за покровительство и благодѣяніе, оказываемыя миссъ Ребеккѣ. Послѣдній документъ былъ содержанія трогательнаго: несчастный артистъ, уже томившійся на смертномъ одрѣ, поручалъ свое единственное дитя, сиротку Бекки, великодушному вниманію и покровительству миссъ Пинкертонъ. Нашлись въ архивѣ документы и самой Ребекки: въ одномъ, малютка испрашивала помощи для своего несчастнаго отца; въ другомъ содержалась слезная благодарность незабвенной благодѣтельницѣ.

Изъ Благородной для Дѣвицъ Академіи на Чизвиккскомъ пропектѣ, мистрвссъ Бьютъ стрѣлой покатила на предмѣстье Сого, въ Греческую улицу, въ бывшую квартиру покойнаго живописца, гдѣ до сихъ поръ стѣны маленькой залы украшались портретами самой хозяйки въ бѣломъ атласномъ

платьѣ, и супруга ея въ синемъ фракѣ съ мѣдными пуговицами — портреты были написаны въ уплату долга за квартиру. Бывшая хозяйка, мистриссъ Штоксъ, какъ дама краснорѣчивая и обязательная во всѣхъ отношеніяхъ, быстро разсказала все; что было ей извѣстно о покойномъ живописцѣ. Оказалось, что мистеръ Шарпъ, не говоря дурнаго слова, былъ бѣднякъ, до крайности распутный; должники, бывало, не отходили отъ его дверей, и что всего ужаснѣе, онъ обвинчался на своей женѣ весьма не задолго до ея смерти. Хозяйка, къ великому огорченію, узнала объ этомъ послѣ; иначе, разумѣется, не стала бы ихъ держать ни одного дня. Дочка ихъ была вообще прехитрая и превѣтреная лисица; бывало; она хохочетъ цѣлый день безъ всякой видимой причины, передразниваетъ всѣхъ и cadaго, прыгаетъ какъ коза, дѣлаетъ уморительныя рожи, и, случалось, отецъ посылалъ ее за джиномъ въ ближайшую харчевню, или съ запиской къ кому-нибудь изъ своихъ безпутныхъ товарищей, жившихъ въ этомъ кварталѣ; всюду бѣгала малютка Бекки, и всюду ее знали. Коротко и ясно, мистриссъ Бьютъ, не жалѣя никакихъ хлопотъ, собрала драгоцѣннѣйшіе матеріалы для составленія біографіи своей новой родственницы, и вѣроятно Ребекка была бы ей очень благодарна, еслибъ своевременно могла получить понятіе объ этой безпримѣрной заботливости о своей особѣ.

Плодомъ этихъ неутомимыхъ изслѣдаваній было совершеннѣйшее просвѣтленіе умственныхъ очей доброй старушки, заблуждавшейся такъ долго насчетъ своего племянника и

теперешней его жены. Мистриссъ Родонъ Кроли — дочь оперной актрисы. Она танцевала и сама. Она служила натурщицей для живописцевъ. Она воспитана по театральному. Она пила пуншъ съ своимъ отцомъ, курила трубку; и прочая. Это была, однимъ словомъ, женщина, соединившая свою судьбу съ пропащимъ человекомъ. Окончательный выводъ: плутовство ихъ неисправимо, и порядочная женщина не должна обращать на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Таковы были матеріалы и свѣдѣнія, предложенныя вниманію больной старухи на Парк-Ленъ. Мистриссъ Бьютъ воспользовалась ими какъ провизіей, и аммуниціей для укрѣпленія джентльменскаго дома противъ неминуемой осады, которая скоро должна быть произведена соединенными усиліями двухъ отъявленныхъ негодяевъ.

Но, къ счастію, во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ проглядываль одинъ, довольно важный недостатокъ: мистриссъ Бьютъ была слишкомъ запальчива, усердна, нетерпѣлива, и рвеніе, обнаруженное ею въ настоящемъ случаѣ, превосходило нѣкоторымъ образомъ границы благоразумной расчетливости. Она истомила миссъ Кроли гораздо болѣе, чѣмъ сколько было нужно, и хотя слабая старуха подчинилась ея авторитету, но власть эта была уже черезъ чуръ натянута, строга, такъ что можно было опасаться, что жертва обнаружить намѣреніе высвободиться изъ подъ ея вліянія при первомъ удобномъ случаѣ. Женщины, всякой знаетъ, весьма часто впадаютъ въ такія ошибки, несмотря на то, что по боль-

шей части онѣ дѣйствуютъ подѣ руководствомъ своего прозорливаго инстинкта.

Такъ, напримѣръ, мистриссъ Бьютъ, увлекаемая безѣ сомнѣнія самыми филантропическими побужденіями, ухаживала за своей больной съ такимъ безпримѣрнымъ раченіемъ, какъ-будто собиралась проводить ее на тотъ свѣтъ черезъ нѣсколько недѣль. Она просиживала у ея изголовья цѣлыя ночи на пролетѣ, не спала, не вкушала пищи, и даже отказалась отъ прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ. Обо всѣхъ этихъ лишеніяхъ и жертвахъ, она вздумала однажды гамѣкнуть господину Кломпу, домашнему врачу и, вмѣстѣ, аптекарю, который неизмѣнно продолжалъ дѣлать свои визиты по два раза въ день.

— По совѣсти могу признаться, мистеръ Кломпъ, сказала мистриссъ Бьютъ, что все это время я не щадила никакихъ трудовъ, и никакихъ усилій для нашей драгоценной пациентки, доведенной своимъ негоднымъ племянникомъ до этого ужаснѣйшаго состоянія нравственныхъ и физическіхъ недуговъ. О себѣ ужъ тутъ я не хлопочу нисколько; я не задумаюсь принести себя въ жертву.

— Да, сударыня, и ваша преданность заслуживаетъ истиннаго удивленія, началъ мистеръ Кломпъ, — но...

— И вообразите: я почти ни разу не сомкнула глазъ съ той поры, какъ пріѣхала изъ деревни! Ужъ какъ-скоро рѣчь идетъ объ исполненіи своей обязанности, я готова посвятить ей свое здоровье, сонъ, спокойствіе, все что вамъ угодно. Ко-

гда бѣдный мой Джемсъ лежалъ въ оспѣ, думаете ли вы, что я нанимала для него сидѣлку? Никакъ нѣтъ.

— Вы поступили тогда, какъ мать, сударыня, какъ превосходнѣйшая изъ матерей; но...

— Какъ мать семейства и жена достопочтеннаго человѣка, я смиренно признаюсь, и вѣрю сердечно, что правила моей жизни именно таковы, какъ имъ слѣдуетъ быть, продолжала мистриссъ Бьютъ съ торжественностью счастливаго убѣжденія, — и могу васъ увѣрить, мистеръ Кломпъ, что я не отступлю отъ этихъ правилъ никогда, никогда, до послѣдняго моего вздоха. Пусть безчеловѣчные люди положили эту сѣдую голову на одрѣ болѣзни...

Здѣсь мистриссъ Бьютъ, дѣлая выразительный жестъ, указала на одинъ изъ кофейныхъ париковъ миссъ Кроли, висѣвшихъ на гвоздикѣ въ ея гардеробной.

— Да, пусть безчеловѣчные люди, не имѣющіе ни чести, ни стыда, сразили эту почтенную голову, и положили ее на одрѣ болѣзни, я никогда не оставляю ее, мистеръ Кломпъ, хотя бы это стоило мнѣ совершеннѣйшаго изнуренія всѣхъ моихъ силъ. Ахъ, мистеръ Кломпъ! боюсь я, то-есть, я увѣрена, что для этой драгоцѣнной головы нужны, можетъ-быть, скорѣе духовныя, чѣмъ медицинскія утѣшенія.

— Я хотѣлъ вамъ собстѣнно замѣтить, сударыня, началъ опять мистеръ Кломдъ такимъ рѣшительнымъ голосомъ, который, повидимому, отстранялъ всякуювозможность дальнѣйшихъ перерывовъ, — я хотѣлъ вамъ. собственно за-

мѣтитъ, что вы, по моему мнѣнію, напрасно беспокоитесь слишкомъ о нашей пациенткѣ, и что вамъ нѣтъ ни малѣйшей надобности жертвовать своимъ здоровьемъ въ ея ползvu.

— Не только здоровьемъ, милостивый государь, я жизнью готова пожертвовать для родственницы своего мужа, храбро перебила мистриссъ Бьютъ.

— Очень хорошо; но прошу васъ обратить вниманіе, что теперь обстоятельства совсѣмъ не требуютъ такой жертвы, сказалъ мистеръ Кломпъ. Вы можете быть увѣренъ, что докторъ Скуилльсъ и я рассматривали болѣзни миссъ Кроли со всѣмъ стараніемъ и добросовѣстностью опытныхъ врачей: мы находимъ, что нервы ея ослабѣли и чрезмѣрное уныніе овладѣло ея душою, оттого собственно, что фамилія происшествія слишкомъ взволновалъ ее.

— Погубили, скажите. лучше, и это все ея племянникъ — сломить бы ему шею!

— Слишкомъ взволновали, и вы, сударыня, я говорю безъ преувеличеній — явились ангеломъ-хранителемъ, чтобъ утѣшать миссъ Кроли подъ бременемъ сильныхъ огорченій. Но докторъ Скуилльсъ и я держимся положительно и единогласно того мнѣнія, что для нашей любезной пациентки нѣтъ никакой надобности лежать день и ночь въ постели, не перемѣняя воздуха спальни. Она огорчена глубоко, спора нѣтъ; но это постоянное заключеніе, естественнымъ образомъ увеличиваетъ разстройство ея душевныхъ силъ. Ей нужны перемѣны, развлеченія, свѣжій воздухъ, веселыя мысли — са-

мыя лучшія лекарства во всей нашей аптекъ, прибавиль мистеръ Кломпъ, улыбаясь и выставляя на показъ свой бѣлые зубы. Убѣдите ее встать, милостивая государыня, оставить мягкія подушки и ободриться. Прогулки на свѣжемъ воздухѣ особенно для нея необходимы, такъ же какъ и для васъ, мистриссъ Бьютъ. Выѣзжайте какъ-можно чаще, и розы быстро опять зацвѣтутъ на вашихъ увидающихъ щекахъ.

— Это бы, пожалуй, можно устроить, да только та бѣда, что передъ нашимъ домомъ снуетъ безпрестанно этотъ негодный племянникъ съ своей женой, возразила мистриссъ Бьютъ (выпуская кошку эгоизма изъ ящика своей тайны). Одинъ взглядъ на нихъ поразить миссъ Кроли жесточайшимъ ударомъ, и мы принуждены будемъ опять положить ее въ постель. Нѣтъ, мистеръ Кломпъ, ей не слѣдуетъ выѣзжать, и она не выѣдетъ до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока я останусь въ ея домѣ. О моемъ здоровьи распространяться нечего: какая кому нужда до моего здоровья? Еще разъ, милостивый государь, я охотно повергну самую жизнь на жертвенникъ своихъ обязанностей.

— Такъ вы непременно хотите, чтобъ она оставалась въ своей комнатѣ?

— Непременно.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, я не могу отвѣчать за жизнь своей пациентки, сказалъ мистеръ Кломпъ серьезнымъ тономъ. Нервы миссъ Кроли слабѣютъ со дня на день, и если вы желаете видѣть капитана Кроли наслѣдникомъ своей

тётки, то я долженъ, милостивая государыня, объяснить вамъ откровенно, что вы хлопочете по возможности изо всѣхъ силъ въ пользу капитана Кроли.

— Великій Боже! Неужели жизнь ея въ опасности! закричала мистрисъ Бьютъ. Ахъ, мистеръ Кломпъ, что вы не извѣстили меня объ этомъ раньше?

Наканунъ этого вечера, за бутылкою вина въ домъ сэра Лепина Уаррена, котораго супруга только-что разрѣшилась отъ бремени тринадцатымъ младенцемъ, мистеръ Кломпъ и докторъ Скуилльсъ разсуждали о болѣзни миссъ Кроли такимъ образомъ:

— Что это за гарпія поселилась въ домъ этой старушонки Кроли, желалъ бы я знать? спросилъ докторъ Скуилльсъ, выпивая рюмку вина. Кажется вѣдь чортъ принесъ ее изъ Гемпшира? Чудесная мадера!

— Какой болванъ этотъ Родонъ, что женился на гувернанткѣ! замѣтилъ мистеръ Кломпъ. Вѣроятно было что-нибудь у этой дѣвчонки.

— Зеленые глаза, прозрачная кожа, смазливое личико, замѣчательное развитіе лба, замѣтилъ докторъ Скуилльсъ, — а Кроли все-таки дуракъ.

— Дуракомъ родился, дуракомъ и умереть, подтвердилъ мистеръ Кломпъ.

— Теперь, я думаю, не видать ему ни шиллинга отъ этой старухи, сказалъ докторъ Скуилльсъ послѣ короткой паузы. Она передѣлаетъ завѣщаніе... если только успѣетъ.

– Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ей прійдется протянуть ноги? Жаль, я потеряю двѣ сотни фунтовъ годоваго дохода.

– Эта гемпширская вѣдьма отправитъ ее мѣсяца черезъ два, Кломпъ, за это ручаюсь, мой другъ, если она останется здѣсь, сказалъ докторъ Скуилльсъ. Женщина старая – обжора – субъектъ нервозный – трепетаніе сердца – сдавленіе мозга – апоплексія – поминай какъ звали. Выгони эту вѣдьму, Кломпъ, подыми старуху, или твои двѣсти фунтиковъ взлетятъ на воздухъ.

И слѣдствіемъ этой консультаціи было откровенное объясненіе достойнаго мистера Кломпа съ достойнѣйшею мистриссъ Бьють Кроли.

Надлежало, во что бы ни стало, заставить старуху перемѣнить завѣщаніе въ пользу пасторскаго семейства. Это бы казалось и легко было сдѣлать, потому что не было при ея постели никого, кромѣ мистриссъ Бьють; но, къ несчастью, тутъ возникли затрудненія непреодолимыя съ психической стороны. Страхъ смерти возрасталъ въ душѣ миссъ Кроли съ неимовѣрной быстротою, какъ-скоро осмѣливались ей дѣлать печальныя предложенія въ этомъ родѣ, и мистриссъ Бьють увидѣла настоятельную необходимость развеселить свою пациентку и возстановить ея здоровье для успѣшнѣйшаго достиженія своей цѣли. Нужно было выѣзжать, какъ предписалъ и мистеръ Кломпъ; но куда?

– Не ѣхать ли въ лондонскія предмѣстья? Это, я думаю, всего лучше, заключала мистриссъ Бьють. Въ окрестностяхъ

Лондона, говорили мнѣ, есть чудныя, живописныя мѣста.

И на этомъ основаніи, мистриссъ Бьютъ вдругъ полюбила и Гезгастедъ, и Горнси, и Дольвичъ, и усадивъ въ карету свою жертву, начала разѣзжать съ ней по этимъ очаровательнымъ мѣстамъ, разговаривая дорогой, для препровожденія времени, о Родонѣ Кроли и его женѣ, и выдумывая насчетъ ихъ разныя невинныя исторійки, способныя пробудить и усилить противъ нихъ негодованіе въ сердцѣ ея возлюбленной золовки.

Быть-можетъ мистриссъ Бьютъ перетянула, безъ всякой надобности, струны своихъ филантропическихъ соображеній. Ей, конечно, удалось вооружить приличнымъ образомъ миссъ Кроли противъ ея негоднаго племянника, тѣмъ не менѣе однакожь паціентка почувствовала сильнѣйшую ненависть къ своей безжалостной мучительницѣ, и сгарала желаніемъ высвободиться изъ подъ ея обременительной опеки. Черезъ нѣсколько времени миссъ Кроли рѣшительно взбунтовалась противъ Горнси и Хайгета. Ей захотѣлось ѣхать въ Паркъ. Мистриссъ Бьютъ знала почти навѣрное, что они встрѣтятся тамъ съ этимъ гнуснымъ Родономъ, и опасенія ея оправдались весьма скоро. Однажды, среди самаго Парка, появился легкій шарабанъ Родона Кроли, запряженный въ одну лошадь: Ребекка сидѣла подлѣ него. Въ непріятельскомъ экипажѣ, миссъ Кроли занимала свое обыкновенное мѣсто, и подлѣ нея, по лѣвую сторону, сидѣла мистриссъ Бьютъ: жирная болонка и миссъ Бриггсъ рисовались на зад-

немъ планѣ. Это была критическая минута, и сердце Ребекки забило сильную тревогу, когда она угадала знакомую коляску. Когда наконецъ два экипажа поверстались одинъ противъ другаго, Ребекка всплеснула руками, и устремила на старую дѣву взоры, исполненные невыразимой преданности и тоски. Самъ Родонъ затрепеталъ, и лицо его побагровѣло ужасно, когда онъ машинально принялся закручивать свой нафабранные усы. Въ другомъ экипажѣ только старушка Бриггсъ обнаружила нѣкоторое волненіе, и обратила, съ нервической раздражительностью, свой большіе глаза на старыхъ знакомцевъ. Шляпка миссъ Кроли была рѣшительно обращена на противоположный конецъ. Вниманіе мистриссъ Бьютъ было поглощено разсматриваніемъ прелестей болонки: она гладила собаченку, ласкала, и придумывала для нея самыя нѣжныя названія поэтическаго свойства, Экжпажи между-тѣмъ подвигались впередъ, каждый по своей линіи.

— Поди вотъ, что ты тутъ сдѣлаешь? сказалъ Родонъ своей женѣ.

— Попытайся еще; мой милый, отвѣчала Ребекка. Развѣ ты не можешь зацѣпиться колесомъ и пріостановить ихъ экипажъ?

Но у Родона не достало духа для этого маневра. Какъ-скоро экипажи поровнялись, онъ сталъ на своемъ шарабанѣ; и, приставивъ руку къ полямъ своей шляпы, принялся смотрѣть во всѣ глаза. Этимъ временемъ миссъ Кроли приняла правильную позицію на своей сидѣлкѣ; но она и мистриссъ

Бьють смѣло взглянули ему въ лицо, не думая однакожь отвѣчать ни малѣйшимъ жестомъ на его усердные поклопы. Родонъ съ заклятіемъ опустился на евое мѣсто, выѣхалъ изъ тѣснаго ряда, и съ отчаянною быстротою поскакалъ домой.

Это былъ великолѣпный и рѣшительный триумфъ для мистриссъ Бьють; но такія встрѣчи могли, съ теченіемъ времени, увеличить опасность, такъ-какъ миссъ Кроли очевидно обнаруживала раздражительность нервовъ. Предстояла настоятельная необходимость оставить Лондонъ, и мистриссъ Бьють, заботясь болѣе всего на свѣтѣ о драгоцѣнномъ здоровьи своей золовки, начала усердно рекомендовать ей брайтонскій воздухъ.

Глава XIX

Кептенъ Доббинъ, какъ устроитель и вѣстникъ Гименея

Самъ не зная какъ, честный Вилльямъ Доббинъ принялъ на себя всѣ хлопоты въ окончательномъ устройствѣ судьбы миссъ Амеліи и Джорджа Осборна. Роковое дѣло ихъ жизни безъ него никогда бы не подвинулось впередъ. Кептенъ Доббинъ самъ это чувствовалъ, и на лицѣ его появлялась довольно кислая улыбка, когда онъ воображалъ, что изъ всѣхъ людей въ мірѣ судьба какъ нарочно выбрала его одного устроить этотъ бракъ. Возникшіе переговоры могли быть трудны и даже чрезвычайно непріятны; но какъ-скоро надлежало вынолнить извѣстную обязанность, кептенъ Доббинъ принялся за дѣло круто и живо, съ полною готовностью идти на проломъ всѣхъ возможныхъ препятствій. Въ настоящемъ случаѣ было для него ясно какъ день, что миссъ Амелія Седли умретъ непременно; если, чего Боже избави, потеряетъ своего жениха: надлежало, стало-быть, во что бы то стало, удержать *прелестнаго ангела* на краю безвременной могилы.

Читатель уже знаетъ, когда, какъ и почему Джорджъ Осборнъ, руководимый заботливостью честнаго Вилльяма, приведенъ былъ къ ногамъ (или правильнѣе, въ объятія) своей возлюбленной невѣсты; и я отнюдь не намѣренъ входить

въ мелочныя подробности этого интереснаго свиданія. Одно только желѣзное, сердце могло не растаять при взглядѣ на это нѣжное личико, истомленное отчаяніемъ и грустью, и при этихъ трогательныхъ звукахъ, въ какихъ бѣдная дѣвушка начала рассказывать свою умильную повѣсть. Не было ни обмороковъ, ни истерическихъ припадковъ, когда мать представила ее жениху: положивъ свою голову на его плечо, она заплакала горько, зарыдала, и эти слезы мгновенно облегчили ея грусть. Успокоенная такими утѣшительными признаками, старушка Седли разочла, что ей нечего дѣлать въ присутствіи молодыхъ людей, и когда она ушла, Эмми прильнула къ рукѣ своего жениха, какъ-будто онъ былъ ея верховнымъ властелиномъ, и она, беззащитная, виновная и бѣдная, всего должна была ожидать отъ его покровительства и ласковаго слова.

Такое безпрекословное повиновеніе тронуло сердце Джорджа, и чрезвычайно польстило его джентльменскимъ чувствамъ. Онъ видѣлъ передъ собою смиренную невольницу, преисполненную благоговѣнія къ его особѣ, и душа его возрадовалась радостью неизрѣчеиною при этомъ глубокомъ сознаніи своей власти. Онъ будетъ великодушенъ, и постарается, какъ это ни трудно, привести въ уровень съ собою это безсильное созданье. Грусть и красота Амеліи тоже нѣкоторымъ образомъ растрогали его сердце: онъ приласкалъ свою невѣсту, приголубилъ, поднялъ ее и, такъ сказать, простилъ — во всемъ простилъ. Всѣ ея чувства и надежды, замирав-

шія съ каждымъ днемъ въ удаленіи отъ этого великолѣпнаго свѣтила, зацвѣли опять и распустились разомъ, когда другъ-солнце засіяло на горизонтѣ ея жизни.

Когда вечеромъ въ тотъ день миссъ Амелія положила на подушку свою успокоенную головку, вы бы и не узнали въ этомъ юномъ, лучезарномъ личикѣ то самое лицо, которое еще наканунѣ было такъ худощаво, безжизненно и равнодушно ко всему на свѣтѣ. Честная дѣвушка-ирландка, обрadowанная такою переменой попросила позволенія поцаловать свою барышню, расцвѣтшую съ быстротою весенней розы. Амелія обвила руками шею своей горничной и цоцаловала ее отъ чистаго сердца, какъ нѣжное, невинное дитя. Этого мало: она успокоилась эту ночь отраднымъ, освѣжительнымъ сномъ, и какая чудная весна засіяла для ея надеждъ при блескѣ утренняго солнца!

— Сегодня онъ опять будетъ здѣсь, подумала миссъ Эмми. Мой Джорджъ — величайшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ людей на землѣ.

Джорджъ думалъ въ свою очередь, что онъ великодушнѣйшій изъ смертныхъ, и что онъ дѣлаетъ страшнѣйшую жертву, обрекая себя на супружество съ этой молодой дѣвцей.

Въ ту пору какъ женихъ и невѣста ворковали наверху о своихъ надеждахъ и мечтахъ, старушка Седли и кептенъ Доббинъ разсуждали внизу о настоящемъ положеніи дѣлъ и объ устройствѣ будущей судьбы молодыхъ людей. предоста-

вивъ любовникамъ полную волю обниматься наединѣ въ отсутствіи своихъ родителей, мистриссъ Седли, какъ особа съ истиннымъ женскимъ смысломъ, неиспорченнымъ никакими софизмами грубой логики, была собственно того мнѣнія, что никакая сила на землѣ не принудить мистера Седли выдать свою дочь за сына этого ужаснаго чловѣка, который, въ послѣднее время, поступилъ съ нимъ такъ безчестно, постыдно, чудовищно, позорно. По этому поводу она разсказала предлинную, презанимательную повѣсть о прежнихъ счастливыхъ временахъ, когда этотъ негодный Осборнъ проживалъ еще шаромыжникомъ на Новой дорогѣ, и когда противная его жена съ радостью, бывало, принимала дѣтскія игрушки Джоза, которыми мистриссъ Седли награждала ее въ день рожденія кого-нибудь изъ маленькихъ Осборновъ.

— Черная неблагодарность этого изверга, заключила мистриссъ Седли, доконала сердце моего добраго мужа, и ужъ я знаю, онъ никогда, никогда, *никогда* не дастъ своего согласія на этотъ бракъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, пусть они убѣгутъ и обвѣнчаются потихоньку, какъ это сдѣлали недавно Родонъ Кроли и бывшая гувернантка, пансіонскій дружокъ миссъ Эмми, сказалъ улыбаясь честный Вилльянъ Доббинъ.

— Неужто! воскликнула мистриссъ Седли, пораженная внезапной вѣстью. Возможно ли это?

— Очень возможно, сударыня, влюбились и женились — исторія обыкновенная. Я встрѣчалъ ихъ довольно часто на гу-

ляньяхъ, и, думаю, что они счастливы.

— Ахъ, какія страсти! Кто бы могъ подумать! Не даромъ ключница моя, Бленкиншопъ, говорила объ этой дѣвчонкѣ, что изъ нея не выйдетъ никакого прока. Вотъ оно и вышло, что въ тихомъ омутѣ черти водятся. Ну, признаюсь, самъ Богъ спасъ моего Джозефа.

И она описала, съ большими подробностями, уже извѣстныя читателю любовныя похожденія миссъ Ребекки и сборщика индійскихъ пошлинъ въ Боггли-Уолла.

Кептенъ Доббинъ, однакожь, не ожидалъ слишкомъ значительныхъ затрудненій со стороны раздраженнаго старца Седли. Совсѣмъ напротивъ: его мучило безпокойство другаго рода, и онъ не скрывалъ, что возникнуть чуть ли не непреодолимыя препятствія со стороны Джона Осборна, этого безжалостнаго торговца саломъ и свѣчами на Россель-Скверѣ. Ему было извѣстно, что онъ запретилъ своему сыну всякія сношенія съ его бывшей невѣстой. Онъ зналъ, что если засядетъ какая мысль въ голову этого упрямаго старика, никакъ ужъ ее не вышибешь оттуда никакимъ молоткомъ логическихъ умозаключеній.

— Все дѣло, пожалуй, еще можетъ какъ-нибудь уладиться, если Джорджъ отличится въ предстоящей кампаніи, разсуждалъ кептенъ Доббинъ. Если онъ умретъ, такъ ужъ разумѣется и она не жилища послѣ него. А если онъ не отличится, тогда что? У Джорджа, какъ я слышалъ, остались деньжонки послѣ матери: онъ можетъ отправиться въ Канаду, об-

завестись хозяйствомъ на широкую ногу, или даже остаться въ Англіи на какой-нибудь скромной мызѣ, отдаленной отъ столицы. Много ли ему надобно вдвоемъ съ такою умною, доброю и прелестною женой?

И продолжая нить этихъ сужденій, Вилльямъ Добеимъ чуть ли не дошелъ до того премудраго заключенія, что для счастливаго супружества потребны только воздухъ и вода съ крошечною хижиною для помѣщенія двухъ особъ: недаромъ же въ пансіонѣ доктора Свиштеля его прозвали кукушкой и хорькомъ! Сколько онъ ни думалъ, ни гадалъ, ему и въ голову не приходило, что недостатокъ въ средствахъ завести щегольской экипажъ и лошадей можетъ служить уважительнымъ препятствіемъ къ соединенію Джорджа Осборна и миссъ Седли.

Соображая всѣ обстоятельства, соприкосновенныя къ дѣлу, онъ убѣдилъ себя окончательнымъ и рѣшительнымъ образомъ, что свадьба должна быть совершена какъ можно скорѣе, безъ малѣйшей отсрочки. По нѣкоторымъ признакамъ, мы имѣемъ право догадываться, что это отнюдь не могло быть вождельнымъ событіемъ для собственнаго его сердца, и легко станется, что кептенъ Доббинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подобно человѣку, желавшему поскорѣе устроить похороны своего умершаго друга, или подобно тѣмъ нѣжнымъ друзьямъ, которые, разставаясь на долгое время, желаютъ, для избѣжанія лишнихъ слезъ, ускорить и сократить церемонію прощанья. Какъ бы то ни было, только мистеръ

Доббинъ обнаружилъ въ своихъ хлопотахъ необыкновенную юркость. Онъ доказывалъ Джорджу необходимость приступить къ немедленному исполненію дѣла, объясняя съ удовлетворительнымъ краснорѣчіемъ, что старикъ Осборнъ неминусо простить юную чету, какъ-скоро политическая газета возвѣститъ о блистательномъ подвигѣ его сына. Онъ брался, въ случаѣ надобности, самъ идти къ обоимъ старикамъ и помирить ихъ между собою.

— Главное — не робѣй, мой другъ, и куй желѣзо, пока горячо, говорилъ кептенъ Доббинъ. Полкъ нашъ, того и гляди, получить приказъ выступить въ походъ: тогда будетъ поздно думать о женитьбѣ.

Къ великому удовольствію и одобренію мистриссъ Седли, не рѣшавшейся персонально завести серьезный разговоръ съ своимъ супругомъ, мистеръ Доббинъ отправился искать Джона Седли въ его бывшемъ торговомъ домѣ въ Сити, куда, по привычкѣ, несчастный банкротъ заходилъ каждый день, хотя не было здѣсь и слѣдовъ его бывшей конторы. Онъ неумоимо продолжалъ вести свою корреспонденцію, и получая письма отъ другихъ, связывалъ ихъ въ таинственные пачки, которыя потомъ мистически укладывалъ въ широкіе карманы своего фрака.

Ничего нѣтъ, на мой взглядъ, печальнѣе таинственной возни и суетливости погибшаго человѣка, и едва-ли вы можете хладнокровно видѣть эти письма, полученные имъ отъ богачей, эти обветшалые, засаленные документы, которые

онъ нетерпѣливо развертываетъ передъ вами, основывая на нихъ надежду своего будущаго обогащенія и возстановленія своей славы въ коммерческомъ мірѣ. Мой возлюбленный читатель, безъ сомнѣнія, видываль на своемъ вѣку подобныхъ чудаковъ. Встрѣчаясь съ вами гдѣ бы то ни было, несчастный отводитъ васъ въ отдаленный уголокъ, вытаскиваетъ изъ кармана толстую пачку, развязываетъ, держитъ шелковый снурокъ между зубами, и трепетной рукою перебираетъ передъ вами свой любимыя письма, гдѣ обѣщаютъ ему всякое покровительство и поддержку, если, сверхъ чаянія, не встрѣтятся никакихъ препятствій. Кто не знаетъ этихъ грустныхъ, полу-одурѣлыхъ взглядовъ, бросаемыхъ на васъ безнадёжными глазами?

Къ этому разряду людей, гонимыхъ судьбою, принадлежалъ теперь старикъ Джонъ Седли, и мистеръ Доббинъ, къ великому своему ужасу, замѣтилъ въ немъ всѣ признаки погибающаго человѣка. Его фракъ, еще такъ недавно гладкій и красивый, слѣсѣмъ побѣлѣлъ по швамъ, и мѣдныя его пуговицы утратили свою позолоту. Лицо его впало, щеки опустились, борода была невыбрита, галстухъ и воротнички рубашки торчали безобразно изъ подъ верхней оконечности мѣшковатаго жилета. Когда, бывало, приходилось ему угощать молодыхъ людей въ кофейномъ домѣ, онъ заливался самымъ добродушнымъ смѣхомъ, кричалъ громче всѣхъ, и слуги подобострастно перегибались передъ нимъ, но теперь угомонился, присмирѣлъ, съёжился бѣдный старикъ, и боль-

но было видѣть, съ какою униженною учтивостію онъ обращался къ Джону, старому, подслѣповатому служителю торговаго дома, ходившему въ грязныхъ чулкахъ и скрипучихъ штиблетахъ. Торговый домъ тоже назывался Coffee-house, да еще въ добавокъ Tapioса-Coffee-house, и обязанностию Джона было подавать гостямъ рюмки съ разноцвѣтными облатками, жестяные стаканы съ чернилами, и разноформенные кусочки бумаги, синей и бѣлой. Ничто, повидимому, не измѣнилось въ «Тапіока-Кофейномъ-Домѣ»: одинъ только Джонъ Седли былъ не похожъ на самого себя. Посмотрите, какъ принимаетъ онъ Вильяма Доббина, которому въ былыя времена онъ нерѣдко давалъ подзатыльники и колотушки, и который еще такъ недавно былъ постояннымъ предметомъ его остроумныхъ шутокъ: Джонъ Седли дѣлаетъ передъ нимъ низжайшій поклонъ, и, нерѣшительно протягивая ему дрожащую руку, называетъ его не иначе какъ «сэръ». Покраснѣлъ и растерялся честный Доббинъ; и показалось ему, неизвѣстно отчего, будто самъ онъ, въ нѣкоторой степени, былъ причиною несчастій, разразившихся надъ головою несчастнаго Джона Седли.

— Очень радъ васъ видѣть, капитанъ Доббинъ, сэръ, сказалъ онъ, стараясь по возможности бросить джентльменскій взглядъ на своего гостя.

Тутъ былъ эффектъ своего рода: мугдиръ капитана и его воинственная осанка произвели, очевидно, нѣкоторое вліяніе на стараго служителя въ скрипучихъ штиблетахъ, и

онъ съ изумленіемъ вытаращилъ на него свой подслѣповатые глаза. Старикъ Седли продолжалъ:

— Какъ поживаетъ почтенный альдерменъ, и *миледи*, ваша матушка, сэръ?

Дѣлая особенное удареніе на словѣ «миледи», онъ развѣтливо взглянулъ на стараго слугу, какъ-будто хотѣлъ сказать: «Видишь ли, Джонъ; у меня еще есть друзья изъ самаго высшаго круга. Смотри, братъ, ты держи ухо востро».

— Вы, конечно, пришли ко мнѣ, сэръ, по какому-нибудь дѣлу? Молодые друзья мои, Дель и Спигго, выполняютъ теперь всѣ порученія по моей части, до тѣхъ поръ пока не будетъ приведена въ порядокъ моя новая контора. Я здѣсь только на время, капитанъ, вы понимаете, сэръ? Что мы должны для васъ сдѣлать, сэръ? Не угодно ли чего-нибудь перекусить?

Переминаясь и заикаясь, Доббинъ объявилъ, что онъ не хочетъ ни пить, ни ѣсть, и что у него нѣтъ никакихъ дѣлъ по коммерческой части. Онъ пришелъ только навѣдаться о здоровьи своего стараго друга, и лично засвидѣтельствовать ему глубочайшее почтеніе.

— Матушка моя, слава Богу, совершенно здорова, сказалъ кептенъ Доббинъ, и потомъ, выдумывая отчаянную ложь, прибавилъ весьма неловко: то есть, я хотѣлъ сказать, что она ужасно больна... выздоравливаетъ понемногу... совсѣмъ оправилась, и только дожидается перваго солнечнаго дня, чтобы сдѣлать визитъ супругѣ вашей, мистриссъ Седли. Ка-

къ поживаетъ супруга ваша, сэръ? Надѣюсь, что она совершенно здорова.

Здѣсь кептенъ Доббинъ пріостановился, и увидѣлъ, что зашелъ уже слишкомъ далеко. Погода стояла превосходная, и солнце палило своими лучами нѣсколько дней сряду. Что жъ касается до мистриссъ Седли, онъ видѣлъ ее не дальше какъ за часъ передъ этимъ, когда привезъ на «Аделаидины виллы» пріятеля своего, Осборна, котораго и оставилъ наединѣ съ миссъ Амеліей Седли.

— Женѣ моей будетъ очень пріятно увидѣться съ миледи, вашей матушкой, сказалъ старикъ, вынимая толстую пачку бумагъ изъ своего кармана. Недавно я имѣлъ честь получить письмо отъ почтеннаго вашего родителя, сэръ, покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать ему глубокое почтеніе. Леди Доббинъ найдетъ нѣкоторую перемѣну въ нашемъ хозяйствѣ: домъ у насъ маленькій — но, могу сказать, опрятный и чистый домикъ, совершенно удобный. Мы всѣ довольны. Жизнь на дачѣ, знаете, совсѣмъ не то, что въ городѣ: перемѣна воздуха принесла очевидную пользу моей дочери — вы, вѣдь, помните малютку Эмми, сэръ? Въ городѣ она очень страдала; но теперь ничего — совершенно ничего.

При этомъ глаза старика запрыгали какимъ-то страннымъ образомъ, и было очевидно, что постороннія думы тѣснились въ его душу, когда онъ принялся развязывать красную тесемку на своей пачкѣ.

— Вы человѣкъ военный, сударь мой, продолжалъ Джонъ

Седли, спрашиваю васъ, Виль Доббинъ, какой прозорливый дипломатъ могъ, незадолго передъ этимъ, предвидѣть внезапное возвращеніе этого неугомоннаго Корсиканца съ острова Эльбы? Вѣдь вотъ въ прошломъ году, сэръ, видѣли мы собственными глазами Храмъ Согласія, и были у насъ празднества, фейерверки, и китайскій мостъ въ Сен-Джемскомъ паркѣ... ну, кто бы могъ подумать въ ту пору, что миръ еще не прочно утверждень во всѣхъ европейскихъ столицахъ? Спрашиваю васъ, Вилльямъ, могъ ли я воображать, что проведу меня какъ дурака съ завязанными глазами? Вы думаете, что я не понимаю этихъ штукъ? Какъ не такъ! Австрійцы нарочно выпустили Бонапарта, чтобы подорвать нашу кредитъ, понизить фонды и раззорить въ конецъ англійское государство. Вотъ почему я и попалъ въ лабеть, Вилльямъ Доббинъ. Вотъ почему мое имя и внесено въ газеты какъ несостоятельнаго должника. Какъ же иначе, сэръ? Вѣдь я долженъ былъ повѣрить. Взгляните сюда. Посмотрите на эти бумаги. Съ перваго марта фонды начали постепенно повышаться, и потомъ — вдругъ все пошло къ чорту. Не будь тутъ злонамѣренныхъ обмановъ, этому Корсиканцу никогда бы не вырваться съ Эльбы. Чего смотрѣлъ англійскій комиссаръ, желалъ бы я знать?

Старикъ бѣсновался больше и больше, и лобъ его наморщился страшнѣйшимъ образомъ, когда онъ принялся сжатымъ кулакомъ барабанить по своимъ бумагамъ. Капитанъ Доббинъ спѣшилъ успокоить его какъ могъ:

– Скоро мы опять прогонимъ этого Бонапарта, сэръ. Герцогъ уже въ Бельгiи, сэръ, и мы со дня на день ожидаемъ приказа выступить въ походъ.

– Не давайте ему ни милости, ни пощады, скрутите его по рукамъ и по ногамъ, сударь мой, заревѣль Джонъ Седля, я бы и самъ не прочь стать подъ вашими знаменами... но я уже старикъ... и разорилъ меня въ конецъ этотъ Корсиканецъ... да и не онъ одинъ... есть, сударь мой, и въ нашей сторонѣ пріятели... были они въ свое время оголѣлыми нищими... я вывелъ ихъ въ люди, и развѣзжаютъ они въ щегольскихъ каретахъ, а я, вотъ, сударь мой, хожу пѣшкомъ, прибавилъ несчастный старикъ прерывающимся голосомъ.

Доббинъ приведенъ былъ въ трогательное умиленіе при взглядѣ на этого, нѣкогда великодушнаго и добраго негодяя, истомленнаго теперь своими несчастьями и вспышками безсильнаго старческаго гнѣва. Пожалѣйте падшаго джентльмена, вы, которые привыкли дорожить деньгами и репутаціей, какъ главнѣйшими благами въ жизни!

– Да, продолжалъ Джонъ Седли, пригрѣешь иную змѣю у себя за пазухой, и потомъ она же тебя ужалить не на животъ, а на смерть. Пособишь какому-нибудь оголѣлому нищему взобраться на коня, а онъ того и гляди – станетъ потомъ развѣзжать на твоей собственной спинѣ. Все бываетъ на свѣтѣ, милый мой Биль Доббинъ, и вы знаете о комъ я говорю. У этого глупаго туза на Россель-Скверѣ не было ни шиллинга въ карманѣ, когда я первый разъ познакомился съ ни-

мъ, и облагодѣтельствоваль его съ ногъ до головы. Зазнался, окаянный, и не думаетъ, что судьба можетъ окарнать его такъ же, какъ меня, чего я отъ души ему желаю.

— Я слышалъ кое-что объ этомъ отъ пріятеля моего, Джорджа, замѣтилъ Доббинъ, желавшій поскорѣе првступить къ своему дѣлу. Джорджъ чрезвычайно огорченъ вашей ссорой съ его отцомъ. Кстати, сэръ, у меня есть отъ него довольно важное порученіе къ вамъ, мистеръ Седли.

— А какое, желаль бы я знать? закричалъ старикъ, прівскакивая на своемъ стулѣ, соболѣзнуеть онъ обо мнѣ, горюеть? Очень благодарень; можете сказать, что меня чрезвычайно интересуеть нахальный видъ его пустѣйшей головы. Негодный прощальга. Неужьто и теперь онъ слоняется вокругъ моего дома? Будь мой сынъ немножко похрабрѣе, онъ бы отправиль его къ чорту на кулички. Вѣдь онъ такой же мошенникъ, какъ его отецъ. Я запретилъ строго настрого произносить его имя въ моемъ домѣ. Пусть будетъ проклятъ тотъ день, когда онъ первый разъ переступилъ черезъ мой порогъ. Дочь моя скорѣе умреть у моихъ ногъ, чѣмъ выйдетъ за него. Это ужъ рѣшеное дѣло.

— Джорджъ не обязанъ отвѣчать за проступки своего отца, милостивый государь. Дочь ваша любитъ Джорджа, и вы сами ободряли ея любовь. Кто же вамъ далъ право играть привязанностью молодыхъ людей, и безжалостно сокрушать ихъ юныя сердца?

— Прошу имѣть въ виду, сударь мой, что въ это дѣло

отнюдь не вмѣшивался его отецъ, кричалъ старикъ Седли. Я самъ разстроилъ ихъ бракъ, разъединилъ молодыхъ людей, разрознилъ, разорвалъ, разбилъ. Наши фамиліи разлучились однажды навсегда, и я, собственною волею, поставилъ непреодолимая преграды къ соединенію ихъ. Вы думаете, что я упалъ слишкомъ низко? Какъ не такъ! Если потрудитесь заглянуть въ эти бумаги, такъ увидите, что я такое, и какія у меня надежды впереди. Уполномочиваю васъ сказать объ этомъ всему ихъ племени и роду — и сыну, и отцу, и матери, и сестрамъ.

— По моему искреннему и глубокому убѣжденію, милостивый государь, отвѣчалъ въ полголоса кептенъ Доббинъ, вы не имѣете ни права, ни власти разлучать двухъ молодыхъ людей, предназначенныхъ другъ другу чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ. Если вы не рѣшитесь добровольно дать согласіе вашей дочери, миссъ Амелія принуждена будетъ обвѣнчаться потихоньку. Изъ того, что вы слишкомъ упрямы, милостивый государь, никакъ не слѣдуетъ, что дочь ваша должна умереть или вести горемычную жизнь. Да они уже обвѣнчаны, по моему мнѣнію, почти такъ же, какъ будто пасторы огласили ихъ во всѣхъ лондонскихъ церквахъ. Старикъ Осборнъ, вы говорите, виновать передъ вами? Очень хорошо: вина его будетъ извѣстна и доказана всему свѣту, какъ-скоро собственный его сынъ женится на дочери человѣка, котораго онъ ненавидитъ. Вникните въ это обстоятельство, мистеръ Седли.

Лучъ удовольствія проскользнулъ по лицу старика, но тѣ-

мъ не менѣ онъ продолжалъ увѣрять, что свадьбѣ не состояться никогда, если стануть требовать его согласія.

— Ну, такъ мы обойдемся и безъ согласія, возразилъ улыбаясь кептенъ Доббинъ.

И по этому поводу онъ разсказалъ старику, какъ на этихъ дняхъ капитанъ Кроли похитилъ миссъ Ребекку. Эта исторія, очевидно, понравилась мистеру Седли, такъ же какъ его супругѣ.

— Вы, капитаны, народъ бойкій, сказалъ онъ, перебирая машинально свой завѣтные бумаги.

Морщины его разгладились, лицо прояснилось, и онъ даже улыбнулся нѣсколько разъ, къ изумленію подслѣповатаго служителя, вошедшаго теперь въ комнату, и который, до этой поры, никогда не замѣчалъ веселаго выраженія на лицѣ несчастнаго банкрота.

Очень вѣроятно, что старый джентльменъ лелѣялъ въ своей головѣ отрадную мысль, полкузмить неожиданнымъ образомъ своего непріятеля, Осборна. Скоро бесѣда окончилась: мистеръ Седли и кептенъ Доббинъ разстались добрыми друзьями.

* * *

— Сестры говорятъ, что у ней брильянты съ голубиныя яйца, сказалъ Джорджъ Осборнъ, заливаясь добродушнымъ смѣхомъ, — воображаю, какъ это ей къ лицу: въ комнатѣ про-

сто должна быть иллюминація, когда она входитъ съ этими свѣтлыми орнаментами на своей гагатовой шеѣ. Волосы у нея шелковисты и курчавы, какъ у Самбо. Чего добраго, она, пожалуй, продѣнетъ брильянтовое колечко черезъ ноздри, какъ-скоро пригласятъ ее на придворный балъ. О, это будетъ совершеннѣйшая *Belle Sauvage*!

Такъ въ разговорѣ съ Амеліей, Джорджъ Осборнъ потѣшался надъ молодою леди, съ которой недавно познакомились его сестры и отецъ. Эта молодая леди сдѣлалась предметомъ общаго вниманія на Россель-Скверѣ. Говорили, что у ней безчисленное множество плантацій по ту сторону океана, груды золота въ европейскихъ банкахъ, и въ добавокъ три звѣзды, присоединенныя къ ея имени въ реестрѣ ост-индскихъ акціонеровъ. Былъ у ней дворецъ въ самомъ Лондонѣ на Соррейской сторонѣ, и прекрасная дача въ Портленд-Плесѣ. Имя богатѣйшей вест-индской наслѣдницы печаталось въ лондонскихъ газетахъ и журналахъ. Мистриссъ Гаггистаунъ, вдова полковника Гаггистауна, сопровождала ее на всѣхъ гуляньяхъ, и завѣдывала хозяйствомъ въ ея домѣ. Юная леди только-что вышла изъ пансіона по окончаніи полного курса наукъ, и сестрицы Джорджа встрѣтились съ нею на вечерѣ въ домѣ стариковъ «Гулькеръ, Буллокъ и Компанія», которые вели продолжительную и постоянную корреспонденцію съ ея вест-индскимъ домомъ. Дѣвицы Осборнъ обступили ее съ своими ласками и комплиментами, принятыми, какъ и слѣдуетъ, съ великимъ добродушіемъ. Си-

ротка въ ея положеніи... ни отца, ни матери... груды золота... какъ это интересно! восклицали прелестныя сестрицы Джорджа. По возвращеніи домой онѣ отнесли о своей новой знакомкѣ съ большою похвалою миссъ Виртъ, своей долговязой гувернанткѣ, и тутъ же, вмѣстѣ съ нею, начали придумывать средства видѣть какъ-можно чаще знаменитую владѣтельница вестиндскихъ плантацій. Поутру, на другой день послѣ бала, онѣ сочли своей обязанностью сдѣлать ей визитъ. Мистриссъ Гаггистаунъ, вдова полковника Гаггистауна, родственница лорда Бинки, произвела не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе на молодыхъ дѣвицъ: она жеманна, чопорна, высокомерна, и, что всего хуже, безпрестанно говорить о лордѣ Бинки; но эта малютка, Рода, – все что хотите, и дѣвицы Осборнъ были отъ нея въ восторгѣ. Рода умна, добра, наивна какъ ребенокъ, застенчива немножко и не имѣетъ, такъ-сказать, джентльменскаго лоска; но это пройдетъ по мѣрѣ ея знакомства съ свѣтомъ. Дѣвушки называли не иначе какъ христіанскимъ именемъ свою новую знакомку.

– Посмотрѣла бы ты на ея придворный костюмъ, Эмми! продолжалъ Осборнъ веселымъ тономъ, – она недавно пріѣзжала въ немъ къ моимъ сестрамъ, прожде чѣмъ представила ее, по всей формѣ, миледи Бинки; родственница Гаггистауновъ. Впрочемъ она всѣмъ приходится съ родни, эта Гаггистаунъ. Брильянты ея пылали какъ воксаль въ тотъ вечеръ, когда мы тамъ были. (Помнишь ли ты, Эмми, какъ Джо-зефъ любезничалъ тогда съ твоей подругой?) Брильянты и

красное дерево, мой ангелъ! Подумай, какой очаровательный контрастъ съ ея бѣлыми перьями въ шелковичныхъ курчавыхъ волосахъ! Серьги на ней то же что канделябры, и ты, право, могла бы поставить на нихъ свѣчи. Но можетъ-быть всего замѣчательнѣе желтый атласный шлейфъ, который тащился за ея платьемъ, какъ хвостъ какой-нибудь кометы.

— Сколько ей лѣтъ? спросила Эммв, слушавшая съ напряженнымъ вниманіемъ болтовню своего жениха.

— Черная принцесса только-что вышла изъ школы; но я думаю, ей ужъ чуть ли не стукнуло около двадцати трехъ лѣтъ. И какимъ она почеркомъ пишетъ, еслибъ ты видѣла? Всѣ письма за нее обыкновенно пишетъ мистриссъ полковница Гаггистаунъ; но случается, въ минуту откровенности, она и сама принимается за перья. Сестрицы мои, на этихъ дняхъ, получили отъ нея собственноручную записку, гдѣ столько же грамматическихъ ошибокъ, сколько словъ.

— У насъ въ пансіонѣ тоже была мулатка, которой никакъ не могли растолковать грамматическія правила, замѣтила Амелія, припомнившая одну изъ своихъ подругъ въ благородной академіи миссъ Пинкертонъ, — она жила на хлѣбахъ у самой содержательницы.

— Какъ ее звали? спросилъ Осборнъ.

— Миссъ Шварцъ.

— Ну? такъ это она и есть. Отецъ ея, нѣмецкій жидъ, торговалъ неграми въ Ост-Индіи и нажилъ милльоны. Онъ умеръ въ прошломъ году, и миссъ Пинкертонъ довершила воспи-

таніе его дочери. Она бренчитъ на фортепьяно, поетъ двѣ, три пѣсни, и съ грѣхомъ пополамъ умѣетъ напачкать безграмотную записку подѣ диктовку мистриссъ Гаггистаунъ. Дженни и Мери уже изгораздились полюбить ее какъ сестру.

— О, если бы онѣ меня удостоили такой любви! сказала Эмми съ глубокимъ вздохомъ, — онѣ всегда были холодны ко мнѣ.

— Дитя! надобно имѣть по крайней мѣрѣ двѣсти тысячъ фунтовъ, чтобъ заслужить благосклонное вниманіе моихъ сестрицъ, возразилъ Джорджъ трагическимъ тономъ, — ужь такъ онѣ воспитаны, и черствая ихъ натура неспособна къ безкорыстнымъ чувствамъ. Подумаешь, что все наше общество состоитъ изъ золотыхъ и серебряныхъ слитковъ. Мы живемъ банкирами и толстыми тузами изъ Сити; каждый, говоря съ тобою, гордо позваниваетъ своими гинеями въ карманѣ, какъ-будто самъ чортъ ему не братъ. Вижу какъ сейчасъ всѣкъ этихъ ословъ. Вотъ между ними пузатый Фредъ Буллокъ, будущій женихъ сестрицы моей, Мери, приземистый Гольдморъ, директоръ ост-индской компаніи, косолапый Дипли, который устраиваетъ свои дѣлишки по торговлѣ сальными свѣчами — по *нашей* торговлѣ, моя милая, дополнилъ Джорджъ съ презрительнымъ смѣхомъ. Терпѣть не могу этихъ истукановъ, и мнѣ тошно сидѣть на ихъ скучнѣйшихъ обѣдахъ. Признаюсь, Амелія, мнѣ право даже стыдно за домъ моего отца. Я привыкъ жить въ обществѣ порядочныхъ джентльменовъ, людей свѣтскихъ, Эмми, фешонэбль-

ныхъ, и ужь слишкомъ далеко отсталъ отъ этихъ пузатыхъ торговцевъ. Милый другъ мой! ты одна только изъ нашего круга мыслишь, чувствуешь и говоришь, какъ истинная леди, и это въ порядкѣ вещей, потому-что ты ангель, Эмми. Не возражай. Я повторю еще — одна только ты настоящая леди между этими воронами въ павлиньихъ перьяхъ. Развѣ это не замѣтила миссъ Кроли? А она видѣла свѣтъ, и знаетъ лучшія общества европейскихъ столицъ. что жъ касается до Родона Кроли, это — примѣрный джентльменъ, и, по моему, онъ поступилъ благородно, что женился на любимой дѣвицѣ. Ребекка достойна его.

Амелія тоже находила съ своей стороны, что мистеръ Кроли поступилъ благородно. Она вѣрила душевно, что Ребекка будетъ съ нимъ счастлива, и это обстоятельство — замѣтила она улыбаясь — должно утѣшить брата ея, Джоза.

Такъ говорила юная чета, предаваясь беззаботному веселью, и припоминая старину. Младенческая довѣренность опять водворилась въ сердцѣ малютки Эмми, хотя она обнаружила притворную ревность къ миссъ Шварцъ, и признавалась съ наивнымъ лицемѣріемъ, будто ужасно боится за своего жениха, который — легко станется — совсѣмъ забудетъ ее изъ-за богатой наслѣдницы вест-индскихъ плантацій. Однакожь, на самомъ дѣлѣ, въ душѣ ея не было ни малѣйшихъ безпокойствъ и тревожныхъ сомнѣній; чего ей бояться, когда милый Джорджъ, презирая всякую опасность, отыскалъ ее, съ такимъ великодушіемъ, на «Аделаидиныхъ виллахъ?»»

Окончивъ свое посольство въ «Тапіока-Кофейный-Домъ», кептенъ Доббинъ поспѣшилъ присоединиться къ обществу юныхъ, счастливицевъ, и сердце его затрепетало отъ живѣйшаго восторга, когда увидѣлъ, что Амелія вдругъ опять превратилась въ розовую и счастливую дѣвицу. Она шутила, смѣялась, рѣзвилась и пѣла старыя знакомыя пѣсни на фортепьяно до тѣхъ поръ, пока наконецъ уличный звонокъ возвѣстилъ счастливой компаніи, что мистеръ Седли воротился изъ Сити. Это было сигналомъ отступленія для Джорджа.

Должно замѣтить, къ стыду и осужденію эгоистической натуры миссъ Эмми, что она, въ продолженіе всего этого визита, не обращала ни малѣйшаго вниманія на честнаго Вильяма Доббина, какъ-будто и не было его на свѣтѣ, Правда, она улыбнулась очень мило, когда капитанъ вошелъ, но мы смѣемъ увѣрить, что это была притворная улыбка, такъ-какъ она считала его прибытіе совершенно неумѣстнымъ. Нѣтъ нужды: кептенъ Доббинъ былъ совершенно счастливъ и доволенъ, потому-что миссъ Эмми была счастлива, и онъ чувствовалъ въ душѣ невыразимую усладу при мысли, что самъ, нѣкоторымъ образомъ, содѣйствовалъ къ ея счастью.

Глава XX

Маленькая распря изъ за наслѣдницы вест- индскихъ плантацій

— Надобно быть пошлымъ дуракомъ, чтобы не полюбить такую дѣвицу, какъ миссъ Шварцъ! рассуждалъ старикъ Осборнъ въ своихъ джентльменскихъ апартаментахъ на Россель-Скверъ. И на этомъ основаніи, въ душѣ честолюбиваго негоціанта зароились самыя яркія надежды, самыя юныя мечты. Онъ ободрялъ и поощрялъ, съ увлеченіемъ пылкаго юноши, нѣжную привязанность своихъ дочерей къ богатой наслѣдницѣ вест-индскихъ плантацій, и не разъ объявлялъ имъ съ торжественнымъ величіемъ, что эта привязанность радуется какъ нельзя больше его родительское сердце.

— Само собою разумѣется, говорилъ онъ миссъ Родъ; въ скромномъ моемъ домикѣ на Россель-Скверъ вы не найдете того блеска и той пышности, которыми васъ обыкновенно окружаютъ въ великолѣпныхъ салонахъ Вест-Энда. Дочери мои дѣвушки незатѣйливыя, простыя, безкорыстныя; но сердца ихъ, повѣрьте мнѣ, миссъ Рода, умѣютъ отличать истинныя достоинства отъ фальшивыхъ, и вотъ почему онѣ питаютъ къ вамъ привязанность, которая, конечно, дѣлаетъ

имъ честь.... ну, да иначе не можетъ быть, и я готовъ повторять всегда, что эта привязанность дѣлаетъ имъ честь. О себѣ самомъ я не стану распространяться. Я скромный британскій негоціантъ, простой, конечно, и быть-можетъ нѣсколько грубоватый; зато честный негоціантъ, какъ это вамъ могутъ засвидѣтельствовать почтенные друзья мои, Гулькеръ и Буллокъ, которые вели постоянную корреспонденцію съ вашимъ покойнымъ, вѣчно незабвеннымъ родителемъ, миссъ Рода. Вы найдете въ насъ семейство простое, дружное, счастливое, могу сказать, почтенное семейство, безъ всякихъ притязаній на пышность и джентльменскій лоскъ аристократическихъ салоновъ; но зато, миссъ Рода... милая Рода... да, позвольте называть васъ этимъ именемъ... мы всѣ васъ любимъ искренно, душевно, и мое сердце проникнуто къ вамъ родительскимъ чувствомъ. Я человѣкъ откровенный, и готовъ сказать безъ обиняковъ, что люблю васъ, какъ собственную дочь. Бокаль шампанскаго! Гиксъ, шампанскаго для миссъ Шварцъ!

Думать надобно, что старикъ Осборнъ вѣрилъ искренно всѣмъ этимъ словамъ, и я не сомнѣваюсь, что безхитростныя его дочки питали задушевную привязанность къ миссъ Шварцъ. Золото, на Базарѣ Житейской Суеты, имѣетъ неотразимо привлекательную силу, и каждый членъ британской публики невольно благоговѣетъ передъ его ослѣпительнымъ блескомъ. Я готовъ съ своей стороны признаться откровенно, что сердце мое инстинктивно проникается нѣкоторымъ

участиємъ къ судьбѣ ближняго, какъ-скоро я знаю, что въ желѣзной кассѣ его хранятся милльоны, но само собою разумѣется, что это участіе, въ душахъ любостяжателей, увеличивается больше чѣмъ на сто прцентовъ, и они готовы, при первомъ случаѣ, летѣть, съ распростертыми объятіями, къ счастливымъ владѣльцамъ милльоновъ. Я знаю многое множество людей, рѣшительно неспособныхъ питать дружескія чувства къ тѣмъ несчастнымъ смертнымъ, которымъ не суждено играть блестящей роли на рынкѣ житейскихъ тревоженій. Холодные и даже мертвые ко всѣмъ профанамъ, чуждымъ звонкой благостыни, эти люди даютъ просторъ своимъ чувствованіямъ не иначе, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ, когда этого требуютъ приличія, опредѣляемые направленіемъ магнита, скрытаго для нихъ въ благородныхъ металлахъ. Доказательства у насъ подъ рукою: благородные члены фамиліи Осборновъ, знавшіе Амелію Седли въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, не могли питать къ ней ни малѣйшаго вліянія, похожего на дружбу, между-тѣмъ какъ миссъ Шварцъ въ продолженіе одного вечера, пробудила въ ихъ сердцахъ самыя нѣжныя чувствованія, какія только могутъ быть доступны для романическаго представителя дружбы.

— Какая чудесная партія для Джорджа! говорили интересныя сестрицы и долговязая ихъ гувернантка, миссъ Виртъ, тутъ нечего и думать о какой-нибудь ничтожной Амеліи Седли. Джорджъ и Рода созданы другъ для друга. Ей нуженъ женихъ съ прекрасной наружностью, блестящей перспективой

впереди и значеніемъ въ джентльменскомъ кругу; все это она должна найти въ капитанѣ Осборнѣ.

И при этомъ, воображеніе молодыхъ дѣвицъ разрисовывало великолѣпные балы на Портленд-Плесѣ, будущія представленія ко двору и будущее возведеніе ихъ брата въ достоинство пэра. Братецъ Джорджъ и его обширныя знакомства въ джентльменскомъ кругу — вотъ единственная тѣма, которую онѣ распространяли на тысячу ладовъ въ присутствіи своей возлюбленной подруги.

Старикъ Осборнъ былъ также убѣжденъ душевно, что миссъ Рода прекрасная невѣста для его сына. Джорджъ оставить военную службу, поступить въ парламентъ и быстро пойдетъ впередъ на блистательномъ поприщѣ британскихъ дипломатовъ. Старческая кровь негоціанта волновалась и кипѣла, когда онъ видѣлъ имя Осборновъ облагороженнымъ въ лицѣ своего сына, и воображалъ, что судьба назначила ему сдѣлаться прародителемъ знаменитой линіи баронетовъ. Онъ работалъ неутомимо на биржѣ и въ Сити, разспрашивая обо всѣхъ подробностяхъ относительно наслѣдницы индійскихъ плантацій и въ скоромъ времени узналъ онъ въ совершенствѣ, сколько было денегъ у миссъ Шварцъ, и какое направленіе коммерческая опытность сообщила ея капиталу. Всѣ эти свѣдѣнія мистеру Осборну доставлялъ главнѣйшимъ образомъ молодой Фредерикъ Буллокъ, который бы и самъ не прочь предложить себя оливковой наслѣдницѣ плантацій, еслибъ имя его не было заранѣе соединено съ миссъ

Маріей Осборнъ. Въ этомъ онъ открыто признавался своему будущему тестю, отказываясь съ благороднымъ безкорыстіемъ отъ богатой мулатки въ пользу любезнаго братца своей невѣсты.

— Скажите Джорджу, чтобъ онъ не мигаль и держаль ухо востро, говорилъ безкорыстный Фредерикъ Буллокъ, — куй желѣзо, пока горячо, — вы понимаете? Все пойдетъ на ладъ, покамѣстъ она свѣжая новинка въ этомъ городѣ; но чрезъ нѣсколько недѣль, пожалуй, намъ не видать ея какъ своихъ ушей, если на-бѣду подвернется какой-нибудь франтъ изъ Вест-Энда... понимаете? Не нашему брату, торгующему въ Сити, тягаться съ этими господами. Вотъ, въ прошломъ году, Поддеръ и компанія совсѣмъ уже готовъ былъ обдѣлать свое дѣльцо съ мисъ Грогремъ; но подвернулся лордъ Фидруфусъ, и все пошло навыворотъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, мистеръ Осборнъ, такъ по крайней мѣрѣ я думаю, и вы, надѣюсь, можете положиться на мое мнѣніе.

Но когда мистеръ Осборнъ вышелъ шъ гостигой молодого банкира, мистеръ Буллокъ вспомнилъ о миссъ Амеліи, и о томъ, какъ эта прелестная дѣвушка привязана къ Джорджу Осборну. Около десяти секундъ удѣлилъ онъ отъ своего драгоцѣннаго времени на искреннее соболѣзнованіе о несчастіи, которое такъ неожиданно разразилось надъ злополучной дѣвицей. Мы даже обязаны замѣтить, къ чести юнаго банкира, что онъ испустилъ при этомъ вздохъ, нельзя сказать чтобъ слишкомъ глубокій, но все же такой вздохъ, ко-

торый неоспоримо свидѣтельствовалъ о его чувствительной натурѣ.

Устроивая такимъ образомъ эту блестящую партію для молодаго человѣка, приведеннаго къ ногамъ горемычной невѣсты неусыпною заботливостью великодушнаго друга, старикъ Осборнъ и его дочери отнюдь не сомнѣвались, что Джорджъ не окажетъ ни малѣйшаго сопротивленія ихъ планамъ.

Обдѣлывая свое дѣльцо по коммерческой системѣ, старикъ Осборнъ исподоволь пустилъ въ ходъ нѣсколько энергическихъ «намековъ», которыхъ сущность могла быть очевидно даже для совершеннѣйшаго идіота съ ослиною головою на плечахъ. Онъ обыкновенно называлъ намекомъ почти все, что ни дѣлалъ по хозяйственной части. Столкнувъ лакея съ лѣстницы, значило, по его словамъ, сдѣлать ему тонкій намекъ, чтобъ онъ убирался со двора. Руководимый своей обычной откровенностью, онъ сказалъ напримеръ мистриссъ полковницѣ Гаггистаунъ, что дастъ ей вексель въ десять тысячъ фунтовъ въ тотъ самый день, когда сынъ его женится на ея воспитанницѣ, и это предложеніе называлъ онъ самымъ деликатнымъ намекомъ, обличавшимъ обыкновенную утонченность его дипломатическаго искусства. Дѣлая такой же намекъ сыну своему, Джорджу, онъ приказалъ ему немедленно жениться на миссъ Шварцъ, причемъ непреклонная его воля объявлена была съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ онъ приказывалъ буфетчику откупорить

бутылку, или конторщику переписать записку.

Этот повелительный намекъ значительно разстроилъ Джорджа. Его мечты уже достигали до самой восторженной степени, когда онъ вновь прятался ухаживать за миссъ Амеліей, и эта вторичная эпоха нѣжностей чрезвычайно нравилась его воображенію. Онъ сравнивалъ наружность и манеры богатой мулатки съ своей хорошенькой невѣстой, и мысль о женитьбѣ на оливковой владѣтельницѣ плантацій представлялась ему вдвойнѣ нелѣпою и смѣшною. Вообразите, напримѣръ, что онъ, мистеръ Джорджъ, красавецъ первой руки, идеалъ британскихъ львовъ, сидитъ въ каретѣ или театральной ложѣ подлѣ этой заморской обезьяны, униженной какъ на смѣхъ брильянтами и жемчугомъ — что это за странная, чудовищная чета! Прибавьте ко всему этому, что мистеръ Осборнъ-младшій былъ такъ же упрямъ, какъ старшій, и если была у него какая-нибудь цѣль впереди, онъ шелъ къ ней твердыми и рѣшительными шагами. Притомъ былъ онъ вспыльчивъ и горячъ точно въ такой же степени, какъ его отецъ.

Въ первый день, когда отецъ далъ формальное приказаніе своему сыну ухаживать за миссъ Шварцъ, Джорджъ подытался выставить на видъ неудобства со стороны времени и обстоятельствъ.

— Вамъ бы слѣдовало подумать объ этомъ прежде, сказалъ мистеръ Джорджъ Осборнъ, поздно хлопотать о женитьбѣ, когда мы съ каждымъ днемъ ожидаемъ приказанія высту-

пить въ походъ. Подождите до моего возвращенія, если только суждено мнѣ возвратиться невредимымъ съ поля битвы.

Потомъ онъ распространился относительно того, какъ дурно было выбрано время для переговоровъ о семейныхъ дѣлахъ, и представилъ своему родителю, что послѣдгіе дни этой недѣли онъ обязанъ посвятить не любезничеству, а приготовленію къ служебной дѣятельности, и приличному прощанію съ воздухомъ родной земли.

— Время не уйдетъ толковать объ этомъ и послѣ похода, когда я возвращусь на родину съ новымъ чиномъ и, быть-можетъ съ новыми знаками отличія, заключилъ Джорджъ Осборнъ рѣшительнымъ тономъ, потому-что я могу общать вамъ, что вы, такъ или иначе, прочтете фамилію Джорджа Осборна во всѣхъ англійскихъ газетахъ.

Отвѣтъ отца былъ основанъ на свѣдѣніяхъ, отобранныхъ въ Сити. Онъ старался доказать упрямому сыну, что, при малѣйшей отсрочкѣ, богатая наслѣдница можетъ ускользнуть изъ рукъ вслѣдствіе неизбежнаго нашествія изъ Вест-Энда, гдѣ, съ каждымъ днемъ расплагаются обѣднѣвшіе франты, готовые, при первой возможности, поправить свое разстроенное состояніе богатой женитьбой...

— Дѣло еще легко можно устроить при твоей доброй волѣ, сказалъ старикъ Осборнъ, ты можешь по крайней мѣрѣ обручиться, и въ продолженіе своего отсутствія вести постоянную переписку съ миссъ Шварцъ. Свадьбу сыграемъ послѣ, когда ты воротишься назадъ. Притомъ, любезный другъ, ес-

ли сказать всю правду, такъ по моему мнѣнію, странно искать счастья за границей, какъ-скоро представляется полная возможность, оставаясь дома, получать десять тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода.

— Стало-быть вы считаете меня трусомъ? съ нетерпѣніемъ вскричалъ мистеръ Джорджъ Осборнъ, — неужели вы думаете, что я способенъ обезславить фамилію Осборновъ изъ-за денегъ миссъ Шварцъ.

Эти возраженія, казалось, поколебали старика, но не думая однакожь отказываться отъ своего намѣренія, онъ проговорилъ довольно твердымъ и рѣшительнымъ тономъ:

— Миссъ Шварцъ бываетъ здѣсь каждый день и вы непременно каждый день обѣдаете съ нами, сэръ. Прошу васъ быть какъ можно внимательнѣе къ миссъ Шварцъ. Если нужны вамъ деньги, можете обратиться въ моей конторѣ къ господину Чопперу.

Такимъ образомъ возникло новое препятствіе на пути мистера Джорджа къ сношеніямъ его съ миссъ Амеліей Седли. Объ этомъ предметѣ держалъ онъ серьезную консультацію съ своимъ другомъ, и мы уже знаемъ положительное мнѣніе мистера Доббина обо всѣхъ этихъ вещахъ. Онъ тоже съ своей стороны придерживался пословицы: «Куй желѣзо, пока горячо», и на этомъ основаніи совѣтовалъ своему пріятелю жениться какъ можно скорѣе. Что жъ касается до мистера Осборна, новыя препятствія дѣлали его еще болѣе раздражительнымъ и упрямымъ, какъ-скоро онъ положительно рѣ-

шался на какой-нибудь подвигъ.

Между-тѣмъ оливковая владѣтельница плантацій отнюдь не знала и не подозрѣвала, какіе планы устроивались на ея счетъ въ почтенномъ семействѣ Осборновъ. Ея пріятельница и неразлучная спутница, мистриссъ полковница Гаггистаунъ, хранила объ этомъ предметѣ глубочайшее молчаніе, и миссъ Шварцъ, беззаботная и легкомысленная какъ птичка, принимала за чистую монету всѣ комплименты и ласки, какіе оказывались ей въ домѣ негоціанта на Россель-Скверѣ. Предупредительныя и обязательныя дѣвицы Осборнъ казались ей предобѣйшими созданіями въ мірѣ, и она отвѣчала на ихъ дружескія выраженія съ увлеченіемъ пылкаго сердца, взлелѣяннаго тропическимъ солнцемъ. И если сказать всю правду безъ утайки, былъ особенный предметъ, привлекавшій ее на Россель-Скверъ, и читатель угадалъ, конечно, что этотъ предметъ олицетворялся въ особѣ мистера Джорджа Осборна, котораго она, въ простотѣ душевной, считала прекраснѣйшимъ молодымъ человѣкомъ. Его усы и бакенбарды сдѣлали на нее весьма выгодное впечатлѣніе въ первый же вечеръ, когда она увидѣла его на балу у господъ Гулькеръ и компаніи, и намъ заподлинно извѣстно, что мистеръ Джорджъ приводилъ въ восторгъ своими физическими дарами не одну миссъ Роду. И самое дѣлѣ, онъ, во многихъ отношеніяхъ, былъ весьма интересный и замѣчательный кавалеръ: фізіономія его чуднымъ образомъ выражала въ одно и тоже время задумчивость и надменность, томную мелан-

холю и вмѣстѣ мужественную сановитость. На пасмурномъ челѣ его рѣзкими чертами отпечатлѣвались тайныя думы, глубокія страсти, таинственныя печали, огорченія и заботы романтическаго свойства. Голосъ его былъ звученъ, плавленъ и нѣженъ. Если онъ дѣлалъ замѣчанія какой-нибудь дѣвицѣ относительно погоды, или предлагалъ ей порцію мороженнаго, въ интонаціи его обнаруживалось столько грусти и романической откровенности, что вы, наблюдая его издали непременно могли бы подумать, что онъ извѣщаетъ свою внимательную собесѣдницу о кончинѣ ея матери, или, собирается открыть передъ нею патетическое объясненіе въ любви. Онъ становился на необозримую высоту передъ всею молодежью въ домѣ своего отца, и считался героемъ между всѣми напoмаженными франтами изъ купческаго круга. Нѣкоторые ненавидѣли его, другіе презирали, иные подсмѣивались надъ нимъ изподтишка; но были и такіе, которые, какъ мистеръ Доббинъ, изумлялись его талантамъ и благоговѣли передъ нимъ. Но какъ бы то ни было; бакенбарды его дѣлали свое дѣло, и миссъ Шварцъ была отъ нихъ въ восторгѣ.

Какъ скоро представлялся вѣроятный случай встрѣтиться съ нимъ на Россель-Скверѣ, миссъ Шварцъ пламенѣла желаніемъ повидаться немедленно съ прелестными дѣвицами Осборнъ. Она употребляла огромныя издержки на новыя платья, браслеты, шляпки и на драгоцѣнныя перья, вывезенныя изъ-за моря для украшенія прекраснѣйшей половины человѣческаго рода. Она украшала свою особу всѣми

изобрѣтеніямъ современнаго вкуса и моды, чтобы обратить на себя вниманіе блистательнаго Купидона, и одержать побѣду надъ его сердцемъ. Ея нравственныя совершенства и таланты тоже, по возможности, были выставляемы на показъ съ самой выгодной стороны. По просьбѣ своихъ подругъ она готова была, по нѣскольку часовъ сряду, бренчать на фортепьянахъ три романса и пѣть свой три единственныя аріи, воображая, что заставляетъ всѣхъ и каждого удивляться своему музыкальному искусству. Въпродолженіе этихъ увеселительныхъ упражненій миссъ Виртъ и мистриссъ Гаггистаунъ сидѣли другъ подлѣ друга, воркуя о своихъ знакомыхъ между пѣрами, лордами, баронами и графами.

За часъ передъ обѣдомъ, на другой день послѣ того, какъ мистеръ Джорджъ получилъ деликатный намекъ отъ своего отца, онъ полулежалъ въ гостиной на софѣ въ интересной позѣ молодаго джентльмена, испытавшаго горечь и наслажденіе жизни. По предложенію щедраго родителя, онъ уже имѣлъ сегодня поутру вождельнную аудіенцію съ господиномъ Чопперомъ, которому поручено было наполнить его опустѣлый кошелекъ полновѣсными гинеями изъ конторской кассы. Почтенный родитель, должно замѣтить, довольно часто снабжалъ своего сына звонкой благостыней, но никогда не назначалъ ему опредѣленнаго жалованья; предоставляя себѣ право награждать его, какъ и когда вздумается, единственно по влеченію своего чадолюбиваго сердца. По выходѣ изъ Сити, онъ отправился въ Фольгемъ, на

«Аделаидины виллы», и провелъ часа три въ обществѣ миссъ Амеліи Седли. На Россель-Скверѣ, въ родительскомъ домѣ, онъ нашель своихъ сестрицъ въ бѣлыхъ раскрахмаленныхъ кисейныхъ платьицахъ, и двухъ пожилыхъ дамъ, рисовавшихся въ гостиную на заднемъ планѣ. Но самымъ замѣтнымъ лицомъ въ этомъ маленькомъ обществѣ была малютка миссъ Шварцъ въ своемъ любимомъ атласномъ платьѣ янтарнаго цвѣта, украшенная сверхъ того бирюзовыми браслетами, безчисленными кольцами, цвѣтами, брошками, перьями и несмѣтнымъ множествомъ другихъ бездѣлокъ, придававшихъ ея фигурѣ истинное подобіе вороны въ павлиньихъ перьяхъ, или трубочистки въ майскій день.

Послѣ безполезныхъ попытокъ вовлечь молодаго чело-вѣка въ разговоръ, дѣвицы принялись разсуждать о послѣднихъ модахъ и послѣднемъ балѣ у банкира съ такою чопорною важностью, что Джорджу сдѣлалось наконецъ тошно отъ ихъ болтовни. Онъ ставилъ въ контрастъ ихъ обращеніе съ манерами миссъ Эмліи, сравнивалъ ихъ пронзительные, грубые голоса съ ея звучными и нѣжными тонами, ихъ жеманные позы и накрахмаленные локти съ ея скромными прелестями и плавными движеніями. Бѣдная малютка Шварцъ сидѣла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно сиживала миссъ Эмми. Изумрудныя руки ея покоились на ея атласныхъ колѣняхъ янтарнаго цвѣта. Брильянтовыя булавки и серьги отражались радужными цвѣтами на окружающихъ предметахъ, и большіе глаза оливковой красавицы искри-

лись самодовольнымъ блескомъ. Она не дѣлала ничего, и по-видимому погружена была мыслью въ созерцаніе собственныхъ красоть. Янтарный атласъ былъ чудо какъ хорошъ, и это шитье удивительно какъ шло къ лицу миссъ Роды: это уже замѣтили ей дѣвицы Осборнъ, и она вѣрила всему, что исходило изъ ихъ устъ.

— О, если бы ты видѣлъ ее, Вильямъ! говорилъ Джорджъ своему закадышному другу. Въ этой позѣ она была точь въ точь китайская кукла, которая только и знаетъ, что оскаливаетъ зубы и киваетъ головой. Признаюсь, мой другъ, мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы не швырнуть въ нее подушкой съ дивана, на которомъ я лежалъ.

И точно, містеръ Осборнъ удержался отъ этого обнаруженія своихъ чувствъ.

Между-тѣмъ сестрицы начали играть «Битву при Прагѣ», самую модную арію, какая въ ту пору была въ ходу.

— Остановитесь, *mesdames*, вскричалъ Джорджъ въ порывѣ изступленнаго гнѣва. Вы сведете меня съ ума, если станете брэнчать эту негодную пьесу. Сыграйте лучше *вы* что-нибудь, миссъ Шварцъ. Спойте что-нибудь.

— Что жъ я вамъ спою, містеръ Осборнъ?

— Вее, что хотите, только не эту «Битву».

— Хотите голубоокую Мери, или арію изъ Кабинета? спросила миссъ Шварцъ.

— О, это очаровательная арія! вскрикнули сестрицы.

— Мы уже слышали ее двадцать тысячъ разъ, возразилъ

мизантропъ, полулежавшій на софѣ.

– Можетъ-быть вамъ нравится *Флюфъ ду Таишъ*, мистеръ Осборнъ? сказала миссъ Шварцъ. Извольте, я спою, только наизусть это будетъ довольно трудно.

Эта пьеска была послѣднею въ музыкальномъ репертуарѣ молодой дѣвицы.

– О, *Fleuve du Tage!* воскликнула Мери, я сейчасъ принесу вамъ эту арію.

И предупредительная сестрица пошла отыскивать книгу, гдѣ заключалась эта знаменитая пѣсня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.